

HISTORIA ROSSICA

ЕЛЕНА ОСОКИНА

ЗА ФАСАДОМ «СТАЛИНСКОГО ИЗОБИЛИЯ»

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И РЫНОК В
СНАБЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ. 1927—1941

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Елена Осокина

**За фасадом «сталинского
изобилия». Распределение и рынок
в снабжении населения в годы
индустриализации. 1927–1941**

«НЛО»

2022

Осокина Е. А.

За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина — «НЛО», 2022 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-44-482026-1

Парадокс полупустых магазинов и полных холодильников отмечал буквально каждый приезжавший в СССР в годы социалистического застоя. Загадка имеет простое объяснение. Государственная торговля при социализме никогда не была единственным источником снабжения населения. В стране всегда существовал обширный легальный и подпольный рынок товаров и услуг. Эта книга возвращает читателя к истокам социалистической торговли, в легендарные первые пятилетки. В центре внимания – повседневная жизнь общества в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка. Книга написана на ранее закрытых архивных материалах, включая и документы архива ОГПУ/НКВД. Третье издание книги дополнено историографическими обзорами современных исследований. Елена Александровна Осокина – доктор исторических наук, профессор Университета Южной Каролины. Закончила исторический факультет МГУ. Многие годы работала в Москве в Институте российской истории Российской академии наук. Автор вышедших в «НЛО» книг «Алхимия советской индустриализации», «Небесная голубизна ангельских одежд», «Золото для индустриализации». Лауреат премии «Просветитель» (2019) и Макариевской премии (2019).

ISBN 978-5-44-482026-1

© Осокина Е. А., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ	7
О ЧЕМ ЭТА КНИГА	9
Часть I. Разрушение рынка: 1927–1930	16
ГЛАВА 1. КАРТОЧКИ И ГОЛОД – ПОЧЕМУ?	17
На чем покоилось благополучие НЭПА	17
В тисках товарного дефицита	21
ГЛАВА 2. 1927/28: ПЕРВЫЙ УДАР ПО РЫНКУ – ПЕРВЫЕ КАРТОЧКИ	25
Провал экономической программы Политбюро	25
Начало массовых репрессий против частника	30
ГЛАВА 3. 1928/29: НАСТУПЛЕНИЕ НА РЫНОК	35
ПРОДОЛЖАЕТСЯ	
Старые проблемы в новом году	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Осокина
За фасадом «сталинского
изобилия». Распределение и рынок
в снабжении населения в годы
индустриализации. 1927—1941

Памяти Сергея Семичева

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга – результат двух эпохальных событий: архивной революции, которая открыла доступ к документам сталинского времени, и бурных споров о выборе пути России при ее расставании с социалистической экономикой. Книга написана в 1990-е годы – время «шоковой терапии» президента Ельцина и его «младозекономистов». Много копий было сломано тогда в дебатах о рынке. Начало работы над книгой было временем рыночных надежд, тогда как ее окончание – временем разочарований.

Характер эпохи Ельцина – переход к рыночной экономике – определил главный фокус книги, а также ее структуру. Об этом свидетельствуют названия основных частей: «Разрушение рынка: 1927–1930», «Неизбежность рынка: 1931–1935» и «Союз распределения и рынка: 1936–1941». Читая книгу, вы, возможно, почувствуете не только разлом сталинских 1930-х, но и настроения рыночного перепутья 1990-х.

Прошло более двадцати лет после выхода первого издания книги, но споры о рынке в России остаются актуальными. И дело не только в том, что российский капитализм оказался совсем не тем, что ожидали люди 1980–1990-х годов. Со временем проблема рынка приобрела научно-историческое значение. Если в 1990-е годы, когда я писала эту книгу, актуальность темы «план и рынок» определялась спорами об экономическом будущем России, то сейчас идут дебаты о ее социалистическом прошлом. Чем была советская экономика? Традиционно считалось, что в ней царил план, а рынка не было; сейчас же существование плана в социалистической экономике поставлено под сомнение, а наличие в ней предпринимательства и рынка находит в исследованиях все больше доказательств.

Эта книга стала первым специальным и документированным исследованием, которое показало, почему и как рыночные отношения развивались при советском социализме. Книга опровергла один из мифов, утверждавший, что «при Сталине народ боялся и был порядок». Рынок, легальный и черный, развивался главным образом инициативой и энергией людей, которые стремились выжить или улучшить свое материальное положение в экономике хронического дефицита, кризисов снабжения, карточек и рецидивов голода. Открытие вездесущего рынка в социалистической экономике стало одним из важнейших достижений современной историографии.

Работа над книгой заняла около десяти лет – она стала моей докторской диссертацией, ее выводы были продуманны. Прошедшие десятилетия не изменили моих концептуальных взглядов на проблему взаимодействия плана и рынка в жизни 1930-х. Однако наука не стоит на месте, поэтому в данном издании появились новые историографические обзоры современных исследований.

Книга выдержала проверку временем, и судьба ее сложилась счастливо. Выходит третье издание. Книга переведена на английский и итальянский языки¹.

Не могу отказать себе в удовольствии еще раз назвать и поблагодарить коллег, которые в 1990-е годы прочитали рукопись и сделали важные замечания: Ю. П. Бокарева, Ю. С. Борову, М. А. Вылцана, Сару Дэвис, С. В. Журавлева, В. В. Кабанова, Тамару Кондратьеву, Н. Л. Кременцова, С. А. Павлюченкова, Жака Сапира, А. К. Соколова, О. В. Хлевнюка, а также историка Москвы В. А. Любартовича за замечания, сделанные при подготовке третьего издания книги. Время неумолимо, многих из них уже нет с нами.

---

¹ *Osokina E. Our Daily Bread. Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941. New York; London, 2001; Eadem. Dietro l' eguaglianza. Consumi e strategie di sopravvivenza nella Russia di Stalin, 1927–1941. Rome, 2019.*

Благодарю ученых университетов и институтов России, Великобритании, Германии, Канады, США, Финляндии и Франции, приглашавших меня сделать доклады по теме этой книги и принявших участие в их обсуждении.

Моя неизменная признательность всем работникам архивов, но особенно сотрудникам «читального зала в хранилище» Российского государственного архива экономики, где и началось это исследование.

Благодарю Андрея Константиновича Сорокина и сотрудников издательства РОССПЭН, которые дали этой книге путевку в жизнь.

Моя особая признательность – Ирине Дмитриевне Прохоровой и «Новому литературному обозрению» за интерес к моим работам и предложение переиздать книгу.

Мне исключительно повезло с редактором, Татьяной Тимаковой, которую я также сердечно благодарю.

Эту книгу я посвятила памяти мужа, Сергея Витальевича Семичева.

Судьба связывала нас без малого двадцать лет.

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Хлеб наш насущный даждь нам днесь

Каждому человеку приходится заниматься покупкой продуктов, одежды, предметов домашнего обихода и прочего имущества, необходимого для жизни. В обществах рыночной экономики это занятие не составляет проблемы и даже превратилось в особый вид досуга и развлечения: были бы деньги, а товаров сколько душе угодно. Покупатель, живущий в условиях рыночной экономики, не ищет, где купить нужный товар, он, как правило, ищет, где купить его дешевле. Иначе обстояло дело в социалистической экономике в СССР.

Ныне живет несколько поколений россиян, в том числе и мое поколение, которые знают о социалистической торговле не понаслышке, не из архивных документов, а из собственного жизненного опыта. Даже в период зрелости планового социалистического хозяйства – в годы брежневского застоя – наличие денег не было достаточным условием для покупки: полупустые полки магазинов, скудный ассортимент, низкое качество. Покупка превращалась в добывание товаров. Слово «купить» в быту заменялось словом «достать». «Где достал?» – этот короткий вопрос был многозначен. В ответе на него предполагалось указать не только магазин, куда завезли дефицитный товар, но и то, через каких друзей и знакомых смог получить его или сколько часов отстоял в очереди, сколько переплатил за товар и многое другое. В наших квартирах еще остались вещи – мебель, посуда, одежда, которые приходилось не покупать, а добывать через знакомых или в длинных очередях.

Поколения, жившие при социалистической торговле, помнят и другое. Даже в голодные 1930-е, военные 1940-е и тяжелые послевоенные годы люди обеспечивали себя необходимым, несмотря на плохое государственное снабжение, а в последующие, более благополучные десятилетия при полупустых магазинах неплохо одевались, устраивали празднества и застолья – домашние холодильники не стояли пустыми. Люди старшего поколения часто приводят это в доказательство преимущества планового социалистического хозяйства над рыночным. Парадокс полупустых магазинов и полных холодильников отмечал буквально каждый приезжавший в СССР в годы брежневского застоя. Загадка имеет простое объяснение. Государственная торговля в социалистической экономике никогда не являлась единственным источником снабжения населения. Наряду с плановым централизованным распределением товаров, которое составляло суть государственной торговли, в стране существовал обширный легальный и черный рынок товаров и услуг².

Рынок в плановом хозяйстве не составлял автономной, независимо развивавшейся системы отношений. Он никогда не существовал рядом с плановой распределительной экономикой, но развивался в органическом единстве с ней. Исправляя огрехи и заполняя прорехи централизованного распределения, рынок приспособлялся к существовавшей системе экономических отношений, более того – использовал ее. Рынок превратился в неотъемлемую

---

² Термины «советская торговля» и «социалистическая торговля» используются в этой книге для обозначения всей совокупности форм товарооборота в рассматриваемый период. Эти термины включают не только централизованное распределение, но и рынок во всех его проявлениях, так как, с точки зрения автора, рынок составлял неотъемлемую часть социалистической экономики. Термин «централизованное распределение» обозначает в книге государственно-кооперативную торговлю, то есть систему планового государственного снабжения. В отождествлении государственно-кооперативной торговли с централизованным распределением есть определенное упрощение, так как и в ней существовали элементы рыночных отношений. Однако, с точки зрения автора, такое упрощение допустимо потому, что централизованное распределение составляло суть системы снабжения, в которой заправляло государство. Термин «рынок» в книге представляет отношения, оставшиеся преимущественно вне сферы государственного планирования и регулирования. Этот термин включает как крестьянскую/колхозную рыночную торговлю, черный рынок, бартер, так и рыночные отношения, скрывавшиеся за фасадом государственно-кооперативной торговли.

часть социалистического хозяйства. В этом союзе планового централизованного распределения и рынка обе стороны зависели друг от друга, влияли друг на друга и не могли существовать друг без друга³.

Признание того, что торговля в социалистической экономике представляла своеобразный симбиоз централизованного распределения и рынка, позволяет понять, почему и как люди выживали в условиях хронических кризисов снабжения, обеспечивали себя необходимым, когда полки магазинов были пусты, и даже становились «миллионерами» в социалистической экономике.

Советская социалистическая торговля стала достоянием истории. Современная экономическая ситуация в России в результате демонтажа централизованного хозяйства и развития рыночных отношений изменилась. Проблем с покупкой продуктов и вещей больше не существует, были бы деньги. Люди привыкли к новой ситуации и постепенно забывают свое экономическое прошлое. Пришло время историков объяснить его.

Эта книга предлагает вернуться к истокам социалистической торговли и понять, почему и как сложился симбиоз централизованного распределения и рынка, в чем состояло своеобразие рынка в социалистической экономике, как сосуществовали и взаимодействовали в рамках планового хозяйства распределение и рынок, какую роль играли они в снабжении населения. Следует, однако, подчеркнуть, что эта книга не экономическое, а историческое исследование. Экономические механизмы не являются здесь главным предметом анализа. В центре внимания повседневная жизнь общества времен первых пятилеток в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка. Взаимодействие централизованного распределения и рынка показано в книге через действия власти и людей.

Потребительский рынок являлся сферой экономики и жизни, которая наиболее сильно пострадала в результате форсированного развития тяжелой индустрии и насильственной коллективизации в годы первых пятилеток. Цель этой книги – показать социалистическую торговлю такой, какой она была в реальности, за декоративным фасадом плакатов, рекламы, фильмов и прочей пропаганды, формировавшей у поколений советских людей миф о благополучии и даже изобилии, якобы существовавших при Сталине⁴.

Централизованное распределение и рынок сосуществовали в торговле на всем протяжении советской истории, но первые предвоенные пятилетки – хронологические рамки этой книги – представляют особый этап. Предшествующие им годы советской власти были временем господства частника и рынка в торговле⁵. Централизованное государственное распре-

---

³ В рамках рыночной (капиталистической) экономики также существует своеобразный союз государственного регулирования и рынка, однако соотношение этих элементов и условия их развития в рыночной экономике иные.

⁴ Примеров подобной пропаганды достаточно. Это художественные фильмы 1930-х годов, которые создают атмосферу радостной и благополучной жизни; ни в одном нет реальностей быта того времени, застолья составляют важную часть многих из них. Другой пример – изобразительное искусство. Советские художники создали не только индустриальный пейзаж (абсурдное по сути название), но и особый советский натюрморт. Главным в нем стало выражение общественного содержания и бытовых функций предмета. Натюрморт превращался в «активное средство пропаганды задач партии и социалистического строительства». Приведу для примера хотя бы творчество Б. Н. Яковлева, художника большого таланта. Наряду с классическими натюрмортами, лиричными и изысканными, у него есть и иные полотна. Картина «Что дает соя» (1931) показывает разнообразие продуктов, которые можно получить из этого растения, и «помогает пропаганде одной из задач партии в области реконструкции сельского хозяйства». Картина с передвижной выставкой путешествовала по колхозам, представляя средство наглядной агитации. Кисти Яковлева принадлежит и картина «Советские консервы» (1939. Государственная Третьяковская галерея). Не исключено, что в момент создания она называлась «Сталинские консервы». Хотя изобилие, которое представляет эта картина, может показаться скромным, сам выбор сюжета для художественного полотна знаменателен. Эта картина скорее реклама: банки со снедью призваны были показать успехи советской консервной промышленности, созданной в 1930-е годы. Яковлеву принадлежит и картина «Советское вино» (1939. Государственный художественный музей. Кишинев). Знаменательна также картина И. И. Машкова «Советские хлебы» (1936. Волгоградский музей изобразительных искусств). Но, наверно, наилучшим примером декоративного фасада, скрывавшего реальную экономическую ситуацию, являлась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (ВСХВ, позднее ВДНХ), открытая в 1939 году. Неудивительно, что в своем первоначальном виде она закончила существование вместе с политическим строем и экономикой, породившими ее.

⁵ В период Гражданской войны и военного коммунизма легальная частная торговля была ограничена, но в стране суще-

деление товаров еще только начинало свое становление⁶. С началом индустриализации, с конца 1920-х годов, соотношение централизованного распределения и рынка стало быстро меняться. Стремясь к монопольному распоряжению ресурсами, сталинское Политбюро удар за ударом уничтожало частный сектор в стране. Были запрещены частные производство и торговля в городе (кроме индивидуальной кустарной деятельности и мелочной торговли), проведена насильственная коллективизация крестьянских хозяйств. В результате экономических мер и репрессий централизованная экономика стала господствующей, система рыночных отношений, существовавшая в предшествующие годы, разрушена. Началась эпоха социалистической торговли, где государству отводилась основная роль.

Последствия разрушения рынка и избиения частника не замедлили сказаться. 1926 год стал последним благополучным годом, завершившим цепочку нэповских лет. С 1927 года в стране развивался товарный кризис, нормирование. В 1928 году по всей стране распространились хлебные карточки. Страна шла к голоду. Об этом повествует первая часть книги – «Разрушение рынка», которая охватывает период с кризиса хлебозаготовок 1927/28 года⁷ до введения в 1931 году всесоюзной карточной системы на основные продукты и товары.

К началу 1930-х годов в результате экономических мер и репрессий легальное рыночное пространство резко сузилось, но рынок не исчез. Он стал приспосабливаться к новой ситуации в стране. Восстановление и трансформация рынка происходили в тесной взаимосвязи с развитием плановой централизованной экономики. В результате формировалась единая экономическая система, в которой централизованное распределение и рынок сосуществовали в тесном союзе. Вторая часть книги – «Неизбежность рынка» – охватывает период карточной системы 1931–1935 годов и рассказывает о том, как советское общество пережило тяжелейшее время первой пятилетки и вступило в относительное благополучие середины десятилетия. Огромную роль в снабжении населения в период карточной системы играл рынок.

Экономическая необходимость и, следовательно, неизбежность рынка определялись прежде всего избирательностью государственного снабжения. В условиях острого продовольственного кризиса Политбюро, не имея возможности обеспечить всех, пыталось кормить индустриальный авангард, оставляя других на произвол судьбы. Другой причиной необходимости рынка являлась скудость государственного снабжения, которая создавала иерархию в бедно-

---

ствовал обширный нелегальный рынок. По подсчетам Л. Н. Крицмана, несмотря на реквизиции хлеба у крестьян, весной 1919 года государственное снабжение обеспечивало только 20–30% потребления хлеба в городах, а в целом в 1918–1919 – около 40%, остальное поступало нелегальными путями через рынок (*Крицман Л. Героический период великой русской революции (Опыт анализа т. н. «военного коммунизма»). М.; Л., 1926. С. 137–138*). Во время нэпа частник продолжал господствовать в розничной торговле. Это была главная сфера действия частного капитала (см., например: *Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997; Дмитренко В. П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. 1921–1924; Banerji A. Merchants and Markets in Revolutionary Russia, 1917–30. N. Y., 1997; Hessler J. A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton; Oxford, 2004*). Преобладание частника и рынка в торговле периода военного коммунизма основывалось на существовании единоличного крестьянского хозяйства и сохранении многих традиций торговли дореволюционного времени. В период нэпа к этому добавился еще один фактор – предоставление экономической свободы частным торговцам.

⁶ В годы военного коммунизма централизованное государственное распределение представляли продрозверстка и карточная система снабжения. Подробно о карточках периода Гражданской войны читай в главе «Россия и мировой опыт государственного регулирования снабжения» в этой книге. Начало собственно планирования в торговле относится к периоду нэпа, четвертому кварталу 1924/25 года. Планы завоза в тот год были составлены только для трех районов (Украина, Северный Кавказ, Поволжье) и только по отдельным товарам. Первым планом завоза для всех районов СССР стал план второго квартала 1925/26 года. Вначале планы охватывали лишь немногие показатели торговли, оставляя свободу действий для сбытовых объединений промышленности и торговых организаций. С разработкой первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, частью которого был и торговый план, охват планированием показателей торговли резко расширился и далее все возрастал (*Нейман Г. Я. Советская торговля СССР. М., 1935. С. 142–143; Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л., 1964. С. 253–259 и др.*).

⁷ Обозначения типа 1927/28 указывают на один хозяйственный/финансовый год, в то время как обозначения типа 1927–1928 указывают на два календарных года. До 1931 года учет статистики народного хозяйства в СССР велся по хозяйственным годам, которые начинались 1 октября. По истечении 1929/30 хозяйственного года был добавлен особый квартал (октябрь – декабрь 1930), и с 1931 года учет стали вести по календарным годам, которые начинались 1 января.

сти. Даже привилегированным потребителям, за исключением небольшой группы советской элиты, государство не обеспечивало сытой жизни. В период карточной системы государственное снабжение обрекало городское население на полуголодное существование, а сельское – на голодную смерть. Рынок спасал людей.

В развитии рыночных отношений участвовали две силы: власть и люди. Кризис заставил Политбюро провести в конце первой пятилетки реформы. Среди них: переход к более умеренному и сбалансированному планированию, снижение экспорта продовольствия и сырья, стимулирование развития так называемого колхозного, а по сути крестьянского рынка и подсобных хозяйств⁸. Однако реформы не затронули основ политэкономии социализма – недопущение частной собственности на средства производства, крупного частного предпринимательства и найма рабочей силы. Экономическая необходимость рыночных отношений в сочетании с приверженностью власти к политэкономическим догмам определили сложность взаимоотношений государства и рынка: Политбюро, с одной стороны, в своих целях создавало рынок, предоставляя некоторую свободу предпринимательства людям, с другой стороны, разрушало его, подрывая частную инициативу антирыночными кампаниями и законами.

Правительственные декреты легализовали определенную часть рыночных отношений и стимулировали их развитие. Однако главным двигателем в развитии рынка были не декреты, а предприимчивость людей. В условиях скудного и избирательного государственного снабжения людям приходилось самим заботиться о себе. В голодные годы они изобрели множество способов выжить. По мере улучшения продовольственной и товарной обстановки в стране способы выживания в рыночной деятельности все более замещались способами обогащения. К концу карточной системы, в относительно благополучные 1934–1936 годы, рынок скорее представлял собой арену частного предпринимательства, нежели спасительный оазис.

Рынок в плановой централизованной экономике был специфическим. Его своеобразие определялось в первую очередь развитием в условиях крайне ограниченной экономической свободы. Легальное экономическое пространство, отведенное ему государством, оставалось узким. В результате не экономическая свобода, а товарный дефицит и голодный покупательский спрос были главными двигателями развития рынка. Как гриб, растущий в тесноте под стволом упавшего дерева, предпринимательство и рынок приспосабливались к централизованной экономике, нередко принимая уродливые формы.

Лишь небольшая часть рыночных отношений развивалась в форме разрешенного правительством легального рынка, включая индивидуальные кустарные промыслы, мелочную торговлю со строго определенным ассортиментом товаров, частную практику при наличии патента, а также колхозный рынок, где продавалась продукция, выращенная в подсобных хозяйствах крестьян и горожан, и колхозная продукция, оставшаяся после выполнения государственных заготовок. Законодательство регулировало размеры частной активности, которая могла быть только мелкой индивидуальной деятельностью.

Но в условиях острого товарного дефицита и голодного спроса преграды, которые законодательство ставило на пути частной инициативы, не могли остановить развитие рынка. Он явно не умещался в прокрустовом ложе политэкономии социализма. Легальный рынок был только видимой вершиной айсберга. Его подводную часть составлял необъятный черный рынок. Под вывесками государственных, общественных, кооперативных учреждений, под прикрытием патентов на индивидуальную деятельность, колхозной торговли, шефских отношений развивалось частное предпринимательство. Формы экономической мимикрии частного капи-

---

⁸ Участие государства в развитии рыночных отношений не ограничивалось лишь ослаблением антирыночных мероприятий и проведением половинчатых реформ. Государственные валютные магазины «Торгсин» (18 июля 1930 – 1 февраля 1936), которые обслуживали иностранцев и советских граждан, свидетельствуют о крупномасштабной государственной предпринимательской деятельности. Подробно см.: *Осокина Е.* Золото для индустриализации: Торгсин. М., 2009; *Она же.* Алхимия советской индустриализации. Время Торгсина. М., 2019.

тала, который маскировался под социалистическое производство и торговлю, были разнообразны. О них расскажет эта книга.

В большинстве своих проявлений черный рынок являлся криминальным лишь с точки зрения социалистического антирыночного законодательства. Ограничение экономической свободы превращало огромную часть нормальных рыночных отношений в подпольные, незаконные. Ни крупное, с применением наемной силы, предпринимательство крестьян и кустарей, ни бартер, ни пресловутая спекуляция – перепродажа товаров с целью получения прибыли – не считались бы преступлением в обществе рыночной экономики. Понятия законного и незаконного в социалистической экономике были относительными и изменчивыми. Они определялись центральной властью в зависимости от политической и социально-экономической ситуации, а порой зависели и от прихоти местного руководителя.

Деформация рынка в социалистической экономике состояла не только в том, что одной из основных форм его развития стала криминальная, подпольная деятельность. Антирыночные законы и преследования обрекали частное предпринимательство оставаться незначительным, мелким. Расширение частной деятельности было не только экономически затруднено, но и опасно для самих предпринимателей. Фининспекция и карательные органы ликвидировали «фирму» и привлекали ее организаторов к суду, вменяя в вину не только неуплату налогов, но и применение найма рабочей силы, продажу по рыночным ценам, погоню за прибылью. В результате «фирмы» не работали долго, отсутствовал долговременный и стабильный бизнес, большинство сделок носило разовый, случайный характер. Хотя существовали места концентрации подпольных сделок – колхозные рынки, базары, толкучки, но необходимость прятаться вела к распыленности частного предпринимательства. Именно поэтому масштабы рыночной деятельности в советской экономике не поддаются точному определению.

Там, где слабо развито производство, но существует голодный покупательский спрос, большие прибыли приносит перепродажа товаров, поэтому черный рынок в социалистической экономике приобретал все более спекулятивный характер. Гипертрофия перепродаж представляла еще одну деформацию рыночных отношений в плановом хозяйстве. Спекуляция являлась одним из наиболее распространенных экономических преступлений 1930-х годов. Черный рынок паразитировал на социалистическом хозяйстве, выкачивая сырье и товары из сферы легальной экономики – государственных магазинов, мастерских кустарей, колхозов и личных хозяйств крестьян.

Государство было не в состоянии подавить огромный черный рынок. Он не исчезал при появлении грозных постановлений и проведении репрессий, а изобретал новые формы мимикрии. Антирыночные акции не уничтожали рынок, а уродовали его. Однако государство не могло и оставить черный рынок в покое. Антирыночная политика, малоэффективная, а то и просто бесполезная, стоила больших средств. Дефицит госбюджета усугубляли не только прямые расходы на антирыночные мероприятия, но и неуплата налогов предпринимателями, хищения государственного сырья и товаров, которые утекали на черный рынок. Ограничение частной инициативы имело и долговременные последствия. Оно увековечивало товарный дефицит и кризисы снабжения в социалистической экономике, а те, в свою очередь, питали черный рынок и спекуляцию.

Благодаря частичным экономическим реформам, проведенным на рубеже первой и второй пятилеток, страна преодолела голод. В 1935–1936 годах отменили карточки, закончилось время закрытых пайковых распределителей, наступило время открытой торговли. Советская историография всегда противопоставляла открытую торговлю второй половине 1930-х годов карточкам первой половины десятилетия. Третья часть книги – «Союз распределения и рынка» – показывает, что переход к открытой торговле не внес принципиальных изменений в систему снабжения населения.

Острый товарный дефицит, хотя и ослаб по сравнению со временем карточной системы, сохранялся в годы второй пятилетки и усилился в годы третьей. В условиях дефицита государственная торговля, по сути, оставалась централизованным распределением. Перед войной, к концу третьей пятилетки, централизация усилилась. Стратификация государственного снабжения также сохранялась, хотя и освободилась от крайностей периода карточной системы. Сохранялось и нормирование: хотя пайковая карточная система была отменена, в открытой торговле существовали «нормы отпуска в одни руки».

Открытая торговля второй половины 1930-х годов не избежала и товарных кризисов⁹. Во время кризиса 1936–1937 годов, который сопровождался локальным голодом в деревне, и предвоенного кризиса 1939–1941 годов в стране стихийно возродилась карточная система на продажу хлеба. Таким образом, карточки, официально признанные руководством страны или распространившиеся вопреки его желанию решениями местной власти и по инициативе людей, сопровождали все предвоенные пятилетки.

В период открытой торговли второй половины 1930-х годов, хоть скоро сохранялся острый товарный дефицит и продолжались кризисы снабжения, рынок по-прежнему играл важную роль в снабжении населения. В рыночной деятельности население использовало те же способы выживания и предпринимательства, что и в период карточной системы. Не изменился и характер рынка – расцвет нелегального предпринимательства, незначительные масштабы частного производства товаров, гипертрофия перепродаж, паразитизм и др. Сохранение этих особенностей рынка определялось тем, что границы легального предпринимательства и в период открытой торговли оставались узкими. Рынку все так же было тесно в плановой экономике, приходилось приспосабливаться, ловчить, паразитировать, нарушать социалистическую законность. Рынок, как и создаваемое им богатство, рос, но сущность его не менялась.

В периоды, когда административный контроль ослабевал и антирыночные мероприятия власти стихали, рынок быстро отвоевывал экономическое пространство у планового хозяйства. Один из примеров – бурное развитие в годы второй пятилетки личного подсобного хозяйства крестьян на основе незаконной частной аренды и даже купли-продажи колхозных земель. Однако частная инициатива процветала до очередной антирыночной кампании Политбюро, которое пыталось, вопреки экономической целесообразности, сохранить безрыночную девственность социализма. Антирыночные акции вели к обострению товарного дефицита на потребительском рынке.

Распределение и рынок, каждый по-своему, влияли на социальную структуру советского общества. Централизованное распределение материальных благ (продовольственное и товарное снабжение, зарплата, квартиры, пенсии и другие виды социального обеспечения) формировало свою социальную иерархию. Позиции в ней определялись близостью к власти и нужностью для выполнения государственных планов. Однако социальная стратификация, которую формировала государственная система снабжения, представляла иерархию в бедности. Различия в материальном положении групп были невелики, планка богатства располагалась невысоко. Советская элита по материальному уровню жизни значительно уступала богатым людям западного общества.

Рынок также участвовал в формировании социальной структуры. Он улучшал материальное положение людей (в отношении крестьян улучшал весьма существенно, компенсируя скудость государственного обеспечения деревни). Место в иерархии, формируемой рынком, определялось не решениями Политбюро, а личной инициативой и удачей. К концу 1930-х годов доходы частного предпринимательства заметно выросли. Однако в условиях, когда основ-

---

⁹ Впервые материалы о кризисах снабжения второй половины 1930-х годов были опубликованы автором в статьях: Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939–1941 гг. // Отечественная история. 1995. № 3; Кризис снабжения 1939–1941 годов в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 1; Легенда о мешке с хлебом: кризис снабжения 1936–37 гг. // Отечественная история. 1998. № 2.

ная рыночная активность развивалась нелегально, богатство, формируемое рынком, обречено было оставаться незаконным, а его «миллионеры» – подпольными¹⁰. В архивах НКВД хранятся дела на подпольных богачей, которые по материальному состоянию не уступали «законной» элите, формируемой системой государственного распределения. О них расскажет эта книга.

В реальной жизни иерархии, формируемые централизованным распределением и рынком, причудливо переплетались, как и силы, которые их формировали. Богатство, создаваемое централизованным распределением и рынком, как существовало параллельно (советская элита и «миллионеры» подпольного бизнеса), так и сращивалось (выгодное положение в системе централизованного распределения давало и преимущества в подпольной рыночной деятельности). В этом сращивании вновь проявился паразитизм черного рынка: «миллионерами» подпольного бизнеса становились в первую очередь работники государственной торговли – директора складов, магазинов, баз, продавцы. Сами они ничего не производили, но имели доступ к государственным товарным фондам, что открывало большие возможности для спекуляции.

Другим проявлением сращивания системы государственного распределения и подпольного рынка стала коррупция. Партийно-советское руководство, работники судебно-следственных органов, органов правопорядка взаимовыгодно обменивались услугами с работниками государственной торговли, которые богатели и повышали свой социальный статус за счет махинаций с товарами. Документы позволяют сказать, что коррупция проникла как в местную власть, так и в центральные ведомства, например наркоматы. Союз распределения и рынка, таким образом, сложился не только в экономике, но и в социально-политической сфере. Централизованное распределение и рынок поистине шли рука об руку в жизни первых пятилеток.

---

¹⁰ Слово «миллионеры» в данном случае не стоит понимать буквально. Оно не показатель размеров состояния, а синоним материального богатства.

Часть I. Разрушение рынка: 1927–1930

Власть ошиблась в политике, бросив лозунг – бей по кулаку и нэпману. Били по ним, а попали по себе.

Из высказываний рабочих.

Материалы ОГПУ, 1929 год

Достаточно заглянуть в мемуары, рассказывающие о последних годах новой экономической политики – нэпа, чтобы увидеть, где прошел водораздел. До 1927 года авторы описывают изобилие рынков и еду в достатке, затем по всей стране устанавливается однообразный и скудный рацион: черный хлеб да постные капустные щи. Всего за несколько лет относительное благополучие нэпа сменилось карточками и голодом. Для того чтобы объяснить столь резкие перемены, необходимо понять, что в системе отношений, обеспечивавших благополучие нэпа, было нарушено, чем новая система снабжения населения отличалась от нэповской и какие последствия это имело. Архивные документы позволяют восстановить драматичную картину слома нэповской торговли и установления господства государственной.

ГЛАВА 1. КАРТОЧКИ И ГОЛОД – ПОЧЕМУ?

На чем покоилось благополучие НЭПА

Не стоит идеализировать нэп. Он не стал золотым веком ни для города, ни для деревни. Допущение рыночных отношений позволило восстановить разрушенное войнами и революциями хозяйство страны, но уровень материального обеспечения населения оставался невысоким. Не изобилие, а относительное благополучие между разрухой Гражданской войны и голодной жизнью первой пятилетки – вот чем был нэп. По мере роста денежных доходов населения начала сказываться ограниченность производства и торговли: к концу 1920-х годов уже остро ощущался дефицит товаров¹¹. Однако следует признать, что во время нэпа голод не угрожал стране. Питание населения улучшалось год от года, что фиксировали регулярные обследования, проводимые ЦСУ¹². Высшей точкой стал 1926 год.

Благополучие нэпа покоилось на нескольких китах. Главный из них – индивидуальное крестьянское хозяйство. Благодаря ему более 80% населения страны обеспечивали себя сами. Являясь монопольными производителями продовольствия и сырья, крестьяне распоряжались выращенной продукцией по собственному усмотрению. Их единственным серьезным обязательством перед государством был сельскохозяйственный налог, который с 1924 года уплачивался деньгами. Крестьянин сам планировал свое хозяйство – сколько посеять, сколько оставить в закромах, сколько продать. Он жил по принципу – в первую очередь обеспечить себя. Поэтому, по словам Алека Ноува (Alec Nove), крестьянин к концу нэпа по сравнению с царским временем больше ел, но меньше продавал. Внутри крестьянского двора кустарным способом производили и одежду, и обувь, и нехитрую мебель, и домашнюю утварь. Да и что оставалось делать? Сельская торговля не баловала изобилием и была лишь дополнением к полунатуральному крестьянскому хозяйству. Если крестьянин шел в сельскую лавку, то не за хлебом и мясом. Он покупал там то, что не мог произвести сам: соль, спички, мыло, керосин, ситец.

Крестьянство не было социально однородным. Однако благополучие деревни росло. Доля середняцких хозяйств увеличилась. Крепкое середнячество и зажиточные крестьяне являлись своеобразным гарантом против голода для бедняков и маломощных: в случае нужды, несмотря на кабальные условия займа, было у кого одолжить продукты до нового урожая. В период коллективизации и голода крестьяне порой просили: «Верните кулаков, они нас накормят».

Развивавшееся крестьянское хозяйство являлось и залогом благополучия города. Крестьянский рынок, который существовал в каждом городе и местечке, был главным источником снабжения горожан. Товарная продукция поступала от зажиточных и середняков, которые либо продавали ее заготовителям (частным, государственным и кооперативным), либо торговали сами. За годы нэпа на основе крестьянской торговли сложилась сложная система связей, составлявших межрайонный товарооборот. Именно благодаря крестьянскому хозяйству и крестьянскому рынку в период нэпа не было проблем с продовольствием.

---

¹¹ По официальным данным того времени, дефицит произведенных промышленностью продовольственных и непродовольственных товаров в первом полугодии 1926/27 года исчислялся в 220 млн, а в первом полугодии 1927/28 года – в 500 млн руб. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 354. Л. 5).

¹² Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения СССР, 1919–1924 гг. М., 1926; Вып. 2. Состояние питания сельского населения СССР, 1920–1924 гг. М., 1928; Вып. 3. Состояние питания городского населения СССР в 1924/25 сельскохозяйственном году. М., 1926; Вып. 5. Состояние питания городского населения СССР в 1925/26 сельскохозяйственном году. М., 1927.

В благополучии нэпа немалую роль играло частное предпринимательство на заготовительном рынке. Особенно значительна была роль частника в глубинных районах, где государственные заготовители отсутствовали. Во второй половине 1920-х годов частник закупал около четверти хлеба в производящих районах, до трети сырья. Он обеспечивал более 20% поставок хлеба в потребляющие районы, в том числе треть поставок пшеницы¹³. Частник был мобилен – забирался в глухие уголки, скупая продукцию, перебрасывал ее на рынки отдаленных районов, перепродавал мелким рыночным торговцам, владельцам ларьков, палаток, ресторанов, чайных, кафе, снабжал кустарей, занимавшихся промыслами, делал запасы, дожидаясь более выгодных условий продажи.

Частник участвовал и в производстве товаров. К концу нэпа на его долю приходилась пятая часть валовой продукции промышленности. Особенно велика была роль частника в национальных районах и провинции. Сферой действия частного капитала в значительной мере являлась и кустарная промышленность, которая объединяла более половины всех рабочих и производила треть валовой продукции промышленности. Кустарная промышленность в значительной мере сохраняла черты рассеянной мануфактуры дореволюционной России: кустари работали на дому, предприниматель же объезжал их, снабжая сырьем и полуфабрикатами, а затем забирал и сбывал готовую продукцию. Доля кооперированных кустарей, которые получали сырье от государства и сбывали свою продукцию через госторговлю и потребительскую кооперацию, была незначительной¹⁴. Да и под вывеской кооперативов скрывалось немало фиктивных, где на поверку хозяйничал частный предприниматель.

Особо важную роль в период нэпа частник играл в торговле. На частную патентную торговлю приходилась только четверть розничного товарооборота страны (без рыночной крестьянской торговли). Однако это не отражает действительной роли частного торговца в снабжении населения. Из 551,6 тыс. предприятий розничной торговли, работавших в 1927 году, на долю частника приходилось 410,7 тыс. – около 75%!¹⁵ В отличие от государственной и кооперативной торговли, сконцентрированной в магазинах крупных промышленных центров, частная торговля была мелкой. Она велась в многочисленных ларьках, палатках и вразнос по всей стране. Частник забирался в уголки, где не было государственных и кооперативных магазинов, быстро приспосабливался к рыночной конъюнктуре. Частная торговля отличалась высокой оборачиваемостью средств. Через частную торговую сеть продавалась не только продукция частного производства, но и продукция госпредприятий¹⁶. Личная выгода была главным мотивом в деятельности частника, но именно она обеспечивала быстроту передвижения, эффективность, высокую сохранность товаров. За несколько лет нэпа, благодаря развитию частной торговли, удалось наладить снабжение населения товарами первой необходимости¹⁷.

Важность рынка и частника для снабжения населения выглядит бесспорной на фоне слабого развития государственной промышленности. Наследство, которое досталось советской власти от царского времени, было, прямо сказать, небогатое: обувная, трикотажная, швейные отрасли представляли мелкие кустарные мастерские с большой долей ручного труда. Наиболее развитой была текстильная промышленность, которая работала на импортном оборудовании, к концу 1920-х годов сильно изношенном, и, в значительной степени, на импортном сырье.

¹³ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С. 271; Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 236.

¹⁴ В 1927 году на долю кооперированной промышленности приходилось 16% всей численности рабочих и вырабатываемой продукции (Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 259; Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 230, 232).

¹⁵ Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 245; Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 330.

¹⁶ Даже после того, как госпромышленность значительно сократила продажу своей продукции частникам, в 1927 году они получали 8% опта синдикатов.

¹⁷ Свищев М. А. Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // История СССР. 1989. № 1. С. 11–15.

Основным товаром в ассортименте текстильной промышленности были хлопчатобумажные ткани. Но даже эта, наиболее развитая отрасль производила в конце 1920-х на человека в год всего лишь 12 м хлопчатобумажных тканей. Выпуск другой продукции был еще более ничтожным. На душу в год в стране производилось 80 см шерстяных тканей, 0,4 пары кожаной обуви (меньше ботинка на человека), один носок или чулок, а также одна пара белья на 20 человек населения¹⁸.

Отрасли пищевой промышленности царской России, доставшиеся в наследство советской власти, также в массе представляли мелкие и кустарные предприятия – мельницы, крупорушки, маслобойки, пекарни, кондитерские, колбасные мастерские, дедовские бойни, где ручным способом забивали скот. Создание крупной пищевой индустрии только началось в годы нэпа. В 1925 году построили первый хлебозавод. В 1927-м стали строить первые мясокомбинаты. Даже к концу нэпа государственная пищевая промышленность выпускала продукции меньше, чем перед Первой мировой войной. В конце 1920-х на человека в год производилось около 5 кг мяса и рыбы, 8 кг сахара, 12 кг молочных продуктов, полкило животного и 3 л растительного масла, менее одной банки консервов. До революции ассортимент пищевой промышленности не превышал 100 наименований, в 1920-е годы разнообразия было и того меньше. Треть ассортимента приходилась на продукты первой необходимости: муку, крупу, мясные изделия¹⁹.

Не только государственное промышленное производство товаров потребления, но и государственная торговля была развита слабо²⁰. Государственные торги в период нэпа создавались в окраинных районах и занимались в основном сбытом продукции местной несиндицированной промышленности и кустарей. Государственные магазины в крупных городах специализировались на продаже винно-водочных изделий, мехов, товаров производственно-технического назначения, книг. Как видно, ассортимент госторговли не включал товары первой необходимости. Для снабжения населения в 1920-е годы государство использовало кооперативную торговлю, фактически превратив ее в канал государственного снабжения²¹. В соответствии с договорами между потребительскими кооперативами и промышленными синдикатами продукция с фабрик и складов шла в магазины, палатки и ларьки потребительских обществ. Через кооперацию продавалось 80% продукции государственной промышленности. Вместе с государственными торгами кооперативная торговля обеспечивала три четверти товарооборота. Однако в ее распоряжении была только четверть торговой сети, что свидетельствует о концентрации кооперативной торговли в промышленных центрах.

Анализ системы снабжения населения в период нэпа позволяет сделать несколько выводов. Рынок и частник – крестьянин, заготовитель, промышленник, торговец – играли здесь главную роль. Уберите из этой системы крестьянское самообеспечение, местный крестьянский рынок, частное производство и торговлю. Что останется? Слаборазвитая государственная про-

---

¹⁸ История социалистической экономики. М., 1977. Т. 3. С. 225–234. Душевые показатели высчитаны из расчета 154,2 млн человек населения.

¹⁹ История социалистической экономики. Т. 3. С. 234–242. Душевые показатели высчитаны для 1928 года из расчета 154,2 млн человек населения.

²⁰ Решение о развитии государственной торговой сети было принято только в 1924 году.

²¹ Государство поддерживало и развивало потребительскую кооперацию в противовес частной торговле. Кооперативы не были независимыми, население считало их государственными магазинами. Правительство стремилось к широкому кооперированию населения, видя в кооперации путь к социализму. Вступить в кооператив мог любой, кто заплатил взносы. Более того, при достаточности товаров покупать в кооперативном магазине могли даже не члены кооператива. При ухудшении товарной ситуации пайщики кооператива получали право первоочередной покупки дефицитных товаров. В случае товарного кризиса кооперативы легко могли быть превращены в предприятия закрытой торговли, где обслуживались только пайщики данного кооператива. О кооперации см.: *Кабанов В. В.* Крестьянская община и кооперация России XX века (Проблемно-историографические очерки). М., 1997; *Carr E. H., Davies R. W.* Foundation of a Planned Economy, 1926–1929. Vol. 1. N. Y., 1971. P. 650–662.

мышленность, неспособная обеспечить минимальные потребности населения, да скудная торговая сеть госторговли и кооперации, сконцентрированная в крупных городах.

Развал частного сектора нэпа грозил катастрофой. Случись это, государство должно было бы снабжать десятки миллионов потребителей, которые до того обеспечивали себя сами. Развал частного сектора был опасен и тем, что, в соответствии с планами руководства страны, создание государственной легкой и пищевой индустрии не являлось ближайшей задачей. Приступить к их развитию Политбюро планировало только после создания отечественной машиностроительной и сырьевой базы, однако даже тогда главный приоритет принадлежал тяжелой и военной промышленности.

Интересы потребителя требовали расширения частного и государственного производства товаров и дальнейшего развития торговли. В этом они противоречили планам коммунистического руководства, которое в конце 1920-х годов приняло решение о форсированном развитии тяжелой и военной промышленности. Индустриализация была проведена силами государства в рамках плановой централизованной экономики. Частный сектор периода нэпа при этом был разрушен²².

В выборе путей и методов индустриализации сыграла роль идеология – большевистское неприятие рынка и частной собственности. Играла роль и политика – в росте частного сектора виделась реставрация капитализма, потенциальная угроза власти большевиков. В уничтожении частника значение имели и экономические обстоятельства. Использование рынка и частного капитала в интересах индустриализации представлялось сложной и кропотливой работой. Сталинское Политбюро же, в ожидании скорой войны, стремилось провести индустриализацию в кратчайшие сроки. Оно не хотело возиться с частником, который, конкурируя с государством, отвлекал ресурсы от индустриальных отраслей, извлекая выгоды из экономических просчетов и неудач государства. Казалось, что куда проще и быстрее убрать частника из экономики и жизни, сконцентрировать ресурсы в руках государства и направить их на развитие тяжелой и военной промышленности²³. Что и сделали, ввергнув страну в глубочайший кризис.

Следует, однако, сказать, что, хотя кризис и стал результатом политики Политбюро, в развале рынка оно действовало безо всякого плана, ситуативно. Более того, Политбюро действовало вопреки принятому плану. В соответствии с решениями XV съезда ВКП(б), где обсуж-

---

²² Исследования нэпа показали, что наступление на рынок и частника началось чуть ли не сразу после введения новой экономической политики и усиливалось по мере восстановления экономики страны. Однако вначале наступление на частника велось преимущественно экономическими средствами. Государство ограничивало снабжение частных предпринимателей сырьем, товарами госпромышленности, сокращало товарное и банковское кредитование частника, транспортные перевозки частных грузов, систематически повышало налоги. 1927/28 хозяйственный год прервал процесс постепенного вытеснения частника и принес драматичные перемены. В этот год в дополнение к экономическим санкциям начались массовые аресты и конфискации.

²³ Многие годы в российской и западной историографии идет дискуссия об альтернативах нэпу. Для одних победа СССР во Второй мировой войне является доказательством эффективности и целесообразности выбранной сталинским руководством модели индустриализации и оправданием жертв, которые принесли советские люди в 1930-е годы. Другие считают, что тех же или почти тех же экономических результатов страна могла бы достичь, используя рыночные отношения, избегая форсирования и репрессий, нивелировавших достигнутые успехи. Среди работ, авторы которых предприняли попытки моделирования результатов экономического развития на основе продолжения экономики нэпа, см.: *Allen P. C.* От фермы к фабрике: Новая интерпретация советской промышленной революции / Пер. с англ. М., 2013; *Hunter H., Szyrmer J.* Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928–1940. Princeton, 1992 (перевод одной из ключевых глав этой книги и материалы ее обсуждения даны: Отечественная история. 1995. № 6); *Бородкин Л. И., Свищев М. А.* Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. М., 1992. Как и всякий спор типа «что было бы, если бы», эта дискуссия не имеет конца и, видимо, победителей. Не оспаривая необходимости индустриализации, я вслед за многими авторами ставлю под сомнение эффективность методов, которыми она проводилась в СССР. Для сферы торговли и потребительского рынка форсированная индустриализация имела плачевные последствия. Население любой страны в период промышленной революции затягивает пояса потуже, но советские люди заплатили за нее массовым голодом. Более того, вопреки мнению тех, кто считает, что индустриализация вызвала хотя и тяжелые, но *кратковременные* последствия, следует сказать, что и в долговременной перспективе она оказалась неэффективной. В результате выбранной модели индустриализации в СССР установилось господство плановой централизованной экономики, которая не выдержала экономического соревнования с западной рыночной моделью.

дался первый пятилетний план, вытеснение частника должно было идти постепенно, «в меру возможностей обобщественного сектора так, чтобы не образовывалась брешь в товаропроводящей сети и не возникли перебои в снабжении рынка». Частный сектор, хотя и в сильно урезанном виде, должен был существовать на протяжении всей первой пятилетки. Планировалось, что в 1933 году частник будет выпускать около 8% промышленной продукции и обеспечивать 9% розничной торговли. Планировалось сохранить и индивидуальное крестьянское хозяйство. Только пятая часть крестьянских дворов должна была быть коллективизирована к концу первой пятилетки. В действительности же уже в начале 1930-х годов с легальным частным производством в городе и патентованной частной торговлей было покончено. Остались осколки легального рынка. К концу первой пятилетки коллективизировали более 60% крестьянских хозяйств.

Действиями Политбюро руководил не план, а логика начатой форсированной индустриализации. Пытаясь поддержать ее высокие темпы, руководство страны стремилось монополизировать продовольственный фонд и перераспределять его в индустриальных интересах. Этим объясняется парадокс, при котором партийные съезды, пленумы, комиссии, отлично понимая причины кризиса, принимали решения о реанимации частника и рынка, но практика форсированной индустриализации вела к огосударствлению и централизации, а значит, к ограничению частника и рынка.

Как не было у Политбюро плана «развала рынка», так не было у него и плана мероприятий на случай кризиса. О какой антикризисной программе могла идти речь, если планировалось постепенное «обуздание рынка» и замена его плановым хозяйством. Сталин обратил серьезное внимание на кризис только в 1930 году, когда недостаток продовольствия стал сказываться на промышленном производстве. Решения по преодолению последствий кризиса и нормализации снабжения принимались в Политбюро ситуативно, в конкретный момент под давлением конкретных обстоятельств. Это хорошо видно на примере введения всесоюзной карточной системы. Как будет показано дальше, Политбюро не направляло, не предвосхищало, а в значительной мере «шло в хвосте событий» – утверждало и регламентировало уже сложившийся в практике местного снабжения порядок. Ориентиром при принятии решений в вопросах снабжения неизменно оставались интересы форсированной индустриализации.

В тисках товарного дефицита

Репрессии против частника в городе и деревне привели к падению показателей производства, особенно сельскохозяйственного. В результате в распоряжении государства оказался меньший товарный фонд, чем тот, который существовал в стране в период нэпа. Но даже если бы в руках государственных распределяющих органов оказался весь товарный фонд лучших времен нэпа, снабжение населения, скорее всего, ухудшилось бы.

Дело в том, что государственное снабжение работало принципиально иначе, чем частная торговля. Частник подчинялся законам рынка – продавать там, где есть спрос, и всем, у кого есть деньги. Государственное же снабжение представляло целевое распределение товарных фондов. Значительная часть товаров при этом вообще не попадала в торговлю, а шла на так называемое вне рыночное потребление – снабжение госучреждений, промышленную переработку, изготовление спецодежды, снабжение заключенных, создание неприкосновенных запасов и пр. Много товаров требовала и армия. По мере огосударствления экономики вне рыночное потребление быстро росло за счет сокращения рыночных фондов (то есть товаров, которые предназначались для продажи)²⁴. Из оставшейся товарной продукции значительная часть шла

---

²⁴ В 1930-м по сравнению с 1928 годом товарная промышленная продукция выросла на 40%, но рыночный фонд при этом увеличился всего лишь на 26%, остальной прирост пошел на вне рыночное потребление (Рубинштейн Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 349, 355–356; Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 268,

на экспорт, что также было фактором обострения товарного дефицита на внутреннем рынке. В период нэпа СССР проводил сдержанный внешнеторговый курс, с началом же индустриализации экспорт продовольствия и сырья стал быстро расти, представляя один из основных источников валютного финансирования промышленности.

Только то, что оставалось после обеспечения внерыночного потребления и экспорта, поступало в торговлю. Но и здесь принцип целевого распределения товаров продолжал действовать. Численность населения, покупательные возможности и спрос не являлись главными факторами распределения рыночных фондов между регионами. Снабжение зависело от важности территории в выполнении хозяйственного плана. Внутри региона товар в первую очередь шел на снабжение «плановых централизованных потребителей», то есть занятых в промышленном производстве, а остальным – как получится. Иерархия государственного снабжения также являлась фактором обострения товарного дефицита.

Не только принципы распределения воспроизводили товарный дефицит в плановом хозяйстве, но и механизм распределения. Частник периода нэпа был сам себе и директор, и плановик, и продавец, и бухгалтер. Он распоряжался небольшими партиями товаров, не зависел ни от планов, ни от бюрократии, лично следил за сохранностью товара и его передвижением. В плановой экономике частника-собственника заменили обезличенные государственные ведомства – Наркомторг и Наркомснаб²⁵ и их местные органы. Они распределяли внушительные товарные фонды (продукция госпромышленности, кооперированных кустарей, совхозов, заготовки), пытаясь сделать невозможное: в огромной стране со слабо развитой инфраструктурой забрать у производителя продукцию, перевезти ее на государственное хранение и переработку, а затем вновь развезти по всей стране потребителям. Например, кооперация по государственным заданиям заготавливала у крестьян масло, мясо, яйца и другие продукты, затем сдавала их объединениям Наркомснаба, с тем чтобы потом Наркомснаб вернул все это потребительской кооперации для продажи населению. По мере развития планового хозяйства государство увеличивало товарные фонды в своем распоряжении, стремясь к полному охвату производимой в стране продукции.

Централизованное распределение к тому же было чересчур детальным. С развитием планирования стали определяться не только общие показатели: величина товарного фонда, его деление на рыночный и внерыночный, на городской и сельский, но и распределение между торгующими системами, районами и дробными группами потребителей, вплоть до отдельных предприятий и строителей. Практическое осуществление столь дробного распределения представляло сложную, если не сказать невозможную, задачу.

Государство пыталось облегчить выполнение гигантской задачи распределения товарных фондов с помощью планирования торговли. Был создан огромный дорогостоящий бюрократический аппарат. В планировании участвовали тысячи людей. Наркомторг и Наркомснаб получали данные о производстве товаров от промышленных наркоматов и Центросоюза и на их основе составляли торговые планы (месячные, квартальные, годовые, пятилетние). План затем рассматривался в правительственных органах. Высшей инстанцией, утверждавшей план, являлось Политбюро. После утверждения план рассылался объединениям промышленности и Центросоюза, которые начинали отгрузку товаров торговым организациям.

Многоступенчатое и детальное планирование на деле являлось тормозом снабжения. Планы продвигались сложно и долго. Даже после утверждения их неоднократно пересматри-

---

404).

²⁵ Наркомат торговли был создан в 1924 году на базе Комвнуторга (Комиссия по внутренней торговле при СТО). В 1925 году объединен с Наркоматом внешней торговли в единый Наркомат внешней и внутренней торговли. В 1931 году, в связи с введением всесоюзной карточной системы, Наркомторг был преобразован в Наркомснаб, а в 1934-м, в связи с подготовкой перехода к открытой торговле, на базе Наркомторга было создано два новых наркомата – Наркомат пищевой промышленности и Наркомат внутренней торговли. В 1938 году Наркомат внутренней торговли был переименован в Наркомат торговли.

вали, что требовало нового утверждения и рассылки на места. В результате планы хронически запаздывали. Бумажки «ходили» по инстанциям, продукция же портилась на железнодорожных станциях, в плохо оборудованных хранилищах, а то и просто под открытым небом. Торговые организации, не дождавшись плана, работали на свой страх и риск.

План не только запаздывал, но зачастую являлся фикцией, распределял несуществующие фонды. Так, Наркомторг и Наркомснаб составляли торговый план из расчета 100% выполнения производственного плана промышленностью, в то время как промышленность хронически его не выполняла. В самом аппарате Наркомторга и Наркомснаба правая рука не знала, что делает левая. Сектор планирования работал сам по себе, сектор снабжения – сам по себе. Большим местом была и чехарда с контингентами снабжаемых. Точного количества едоков, состоявших на государственном снабжении, не знал никто. В конечном итоге планирование на практике реализовывалось лишь в определении общих принципов и основных пропорций распределения товарных фондов.

Ни один из планов торговли выполнен не был. Причины тому не только бюрократизм и хаос. Как показывают исследования, планирование в 1930-е годы во многом являлось инструментом мобилизации экономики, методом подстегивания, а не сбалансированного социально-экономического развития. План ориентировал на завышенные и часто нереальные показатели, с тем чтобы добиться большего. В определении планов доминировали политики, а не ученые-экономисты. Планирование первой пятилетки отличалось особым экстремизмом²⁶.

Громоздкая, неповоротливая машина централизованного распределения делала быстрое маневрирование фондами невозможным. Торговля страдала от хронических перебоев, неразберихи и нерациональности. В соответствии с «бумажными предписаниями» картофель шел из Западной области в далекое Закавказье; в болотистые с тучами москитов районы лесозаготовок и сплава посылались летние футболки, купальники, детские летние костюмчики, тонкие женские чулки и фильдеперсовые носки; сандалии и майки поступали в торговлю в декабре, а ватные пальто и телогрейки в мае. Фабрики отгружали продукцию без сортировки прямо из-под станка, и в результате районы получали платья только одного размера или большую партию галош, но все на левую ногу.

Поскольку не спрос определял производство, а план, самые необходимые товары неожиданно исчезали из продажи: либо промышленности было невыгодно их производить, хотя и спрос на них мог быть велик, либо кто-то забывал их поставить в план. Отсюда, например, такие казусы, как исчезновение из производства дешевых товаров (план определялся в ценовом выражении), выпуск необычайно толстого печенья (план определялся в тоннаже), замещение в производстве трудоемких товаров теми, которые легче производить. В отсутствие конкуренции, материальных стимулов к труду, а также непривередливости покупателя брак в производстве товаров достигал огромных размеров. Централизация формировала иждивенческие настроения на местах: вместо того чтобы наладить в регионе местное производство необходимых товаров, руководители ждали, пока «спустят план и выделят фонды».

Товарный дефицит обострялся и огромными потерями в системе централизованного распределения, гораздо большими, чем в частной торговле. Хотя в органах государственного снабжения было немало людей, которые работали на совесть, в целом централизованное распределение представляло гигантскую обезличенную машину. В ней отсутствовал реальный собственник. Обезличка в условиях массовых и длительных перевозок, плохой работы транс-

---

²⁶ Британский историк Марк Харрисон, например, считает, что «мобилизационная концепция планирования» доминировала в советской экономике 1930-х годов, что облегчалось сталинской политической системой. Хотя не исчезала и «концепция планирования как средства достижения социально-экономического равновесия». Последняя усиливалась в периоды, следовавшие за приступами форсирования, для ликвидации ущерба, нанесенного экономике страны. В свою очередь, нормализация положения подготавливала наступление нового витка мобилизации экономики (*Harrison M. Soviet Planning in Peace and War, 1938–1945. Cambridge, MA, 1985. P. 3–5*).

порта, недостатка и плохого оснащения хранилищ и складов оборачивалась астрономическими потерями. Факты таковы, что вместо нескольких дней товар шел к месту назначения месяцами, вагоны испорченных продуктов выбрасывались на свалку, на бойни поступали павшие в пути и больные животные, в одежде и обуви заводились мыши. Обезличка оборачивалась и большими хищениями. Все сказанное объясняет, почему, несмотря на концентрацию в распоряжении государственных ведомств огромного товарного фонда, они не справлялись со снабжением населения.

Для иллюстрации приведу два эпизода, представляющие символические образы частной и государственной торговли. В дореволюционной России ходила байка о том, как известный булочник Филиппов – поставщик хлеба московскому губернатору – однажды съел булку с запеченным тараканом. Булка была куплена в магазине Филиппова, и разгневанный губернатор, обнаружив там таракана, вызвал булочника к себе. «Это – изюм», – заявил Филиппов, проглотив злосчастный кусок, и с этого дня начал выпускать булки с изюмом. Они стали знаменитыми по всей стране. А вот другой образ, уже из истории государственной торговли начала 1930-х годов. На Днепропетровском хлебозаводе лаборант поставил в тесто термометр и ушел, забыв его вынуть. Термометр разбился, кусочки стекла и ртуть попали в тесто, из которого тем не менее испекли хлеб. Только в целях предохранения продавцов на ковриги были наклеены записки: соблюдать осторожность, разрезая хлеб на пайки.

Централизованное распределение, составлявшее суть государственной торговли, являлось детищем не только политэкономических идеалов большевиков, но и конкретной экономической ситуации – перераспределения средств в условиях их острого недостатка. Однако, будучи в определенной степени порождением товарного дефицита, централизованное распределение служило и его генератором. Не только индустриальные приоритеты – тяжелая промышленность в первую очередь, а производство товаров потребления как получится – создавали товарный дефицит в плановой централизованной экономике, которая набирала силу на рубеже 1920–1930-х годов. Не только невыполнение планов промышленного производства из-за слабых материальных стимулов к труду ухудшало положение на потребительском рынке. Воспроизводство и обострение дефицита было заложено в самой природе централизованного распределения, что делало перебои, кризисы и карточки в торговле хроническими. Взаимозависимость дефицита и централизованного распределения создавала порочный круг, в котором торговля, да и вся социалистическая экономика бились десятилетиями.

ГЛАВА 2. 1927/28: ПЕРВЫЙ УДАР ПО РЫНКУ – ПЕРВЫЕ КАРТОЧКИ

Провал экономической программы Политбюро

В 1925 году XIV съезд ВКП(б) провозгласил курс на индустриализацию страны. Началась разработка первого пятилетнего плана. В декрете 8 июня 1927 года Совет народных комиссаров СССР поставил задачу использовать все ресурсы страны для развития индустрии, в первую очередь тяжелой и военной. В декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) рассмотрел первые варианты пятилетнего плана, который был принят в 1929 году в наиболее амбициозном и заведомо неосуществимом варианте. Выполнение индустриальной программы, однако, началось уже в 1926/27 году, и к моменту утверждения плана индустриализация шла полным ходом²⁷. Было начато три больших проекта: ДнепроГЭС, Туркестано-Сибирская магистраль (Турксиб) и Волго-Донской канал. Хотя первый пятилетний план также предусматривал развитие легкой и пищевой промышленности, ограниченность средств и стремление в первую очередь наращивать тяжелую индустрию не позволили в полной мере выполнить намеченную программу.

Хлеб – главный продукт питания в России, и в связи с начавшейся индустриализацией расходы хлеба у государства резко возросли. Города переживали индустриальный бум, численность городского населения стремительно росла, опережая наметки плана. Нужно было гарантировать городскому населению, занятому в промышленном производстве, снабжение дешевым хлебом через кооперативы. У государства росли расходы хлеба и по военному ведомству. Кроме того, стимулируя развитие отечественной сырьевой базы, в которой нуждалась индустрия, Политбюро убеждало крестьян в районах технических культур не сеять хлеб для собственного потребления, а максимально увеличивать посевы хлопка, льна, табака²⁸. Правительство при этом брало на себя обязательство снабжать дешево и вдоволь хлебом поставщиков промышленного сырья. На государственном обеспечении находилась и сельская беднота – социальная опора коммунистов в деревне. Нужно было наращивать и экспорт – главный источник валюты для импорта машин и оборудования, необходимых первенцам пятилетки. Зерно же исконно являлось одной из главных статей российского экспорта.

Индустриализация нуждалась в хлебе. Хлебозаготовки, однако, шли не так быстро, как того хотело руководство страны. Первый поток хлеба на государственные и кооперативные заготовительные пункты (лето – сентябрь, 1927), поступавший от нуждавшихся в деньгах бедняков и маломощного середнячества, быстро иссяк. Крепкое середнячество и зажиточные, выплатив денежный налог государству за счет продажи продуктов животноводства и технических культур, придерживали хлеб либо продавали его частнику – он платил хорошую цену. С октября 1927 года ход государственных хлебозаготовок упал. К концу года положение с хлебом стало критическим: по сравнению с прошлым годом государство недополучило 128 млн пудов²⁹.

---

²⁷ Капитальные вложения в промышленность в 1926/27 году выросли почти на треть. Главную ставку Политбюро делало на развитие металлургии и угольной промышленности. Инвестиции в строительство новых индустриальных объектов увеличились более чем в два раза.

²⁸ Государство не случайно стимулировало отечественное производство технического сырья. Промышленность работала на импортном сырье. В 1928 году на ввоз хлопка, например, страна потратила 150 млн, на шерсть – 70 млн, на козсырье – 40 млн руб. золотом. Дальнейшее развитие промышленного производства требовало еще больших расходов. Между тем валютные ресурсы в стране были ограничены. Страна остро нуждалась в собственной сырьевой базе (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. Л. 23).

²⁹ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 271.

По сведениям ОГПУ, с конца 1927 года продовольственная ситуация в промышленных районах ухудшилась³⁰. Перебои с хлебом в городских магазинах вели к повышению цен на рынке. Подорожание зерна, которое не только кормило людей, но и шло на корм скоту, вызвало рост цен на продукты животноводства. Началась цепная реакция повышения цен. Год 1927/28-й был первым годом резкого скачка рыночных цен³¹.

Товарный дефицит в стране обострялся денежными эмиссиями и ростом доходов населения. Вместо планируемых 200 млн руб. эмиссия в 1927/28 году составила 337 млн. Зарплата на промышленных предприятиях вместо 7,2 по плану выросла на 10,5%³². Увеличение денежной массы в обращении при слабом росте производства товаров вело к быстрому развитию инфляции. Вместо запланированного роста рубль терял покупательную способность.

Резкое подорожание товаров на рынке породило ажиотажный спрос в кооперативах, где государство искусственно поддерживало низкие цены. В результате трудности с хлебом дополнились переборами в торговле основными продуктами питания. Даже в Москве, которая снабжалась лучше других городов, выстроились очереди за маслом, крупой, молоком, начались перебои с картофелем, пшеном, макаронами, вермишелью, яйцами, мясом³³. Поползли слухи о скорой войне, продаже всего хлеба за границу (в уплату долгов иностранным государствам или в откуп за убийство консула в Одессе), голоде и перевороте. Недовольство росло. Активизировались антисоветские настроения. Материалы ОГПУ сохранили резкие высказывания тех лет: «Коммунисты чувствуют приближение войны и поэтому весь хлеб попрятали»; «Откупаются хлебом от войны с Англией»; «Не может быть, чтобы хлеба не было. Дали бы винтовки, мы бы нашли хлеб»; «Сами не могут торговать и частникам не дают, а еще воевать думают»³⁴.

В декабре снабжение промышленных районов ухудшилось. Очереди, давка, скандалы в магазинах стали обычным явлением. По словам одной из женщин: «Как подумаешь идти в кооператив, так сердце замирает. Того и смотри, раздавят». На рабочих собраниях доклады правлений кооперативов встречались резкой критикой и категорическими требованиями улучшить снабжение. Появилась угроза забастовок³⁵. Крестьяне в деревнях, обладая запасами, пока не страдали, за исключением бедняков, которые снабжались хлебом из государственных фондов.

О том, почему крестьяне не хотели продавать хлеб государству, написано немало. Государственные и кооперативные заготовители предлагали низкие цены. Отчасти это было инерцией политики прошлых лет, когда Политбюро, стимулируя развитие сырьевой базы, повышало цены преимущественно на технические культуры и продукты животноводства. В 1927/28 году крестьянину было выгоднее продавать государству именно эти сельскохозяйственные продукты, что давало достаточно денег для выплаты налога.

В начале заготовок разрыв цен государственных и частных заготовителей был не столь уж большим, но время для ликвидации дисбаланса было упущено. К концу 1927 года в резуль-

³⁰ Продовольственные трудности в стране начались несколько раньше, с весны 1927 года. Но в тот момент они были вызваны паникой и покупательским ажиотажем населения, связанными с разрывом дипломатических отношений с Великобританией, а также событиями в Китае. Правительство подогревало «военную тревогу». К осени продовольственные трудности распространились по всей стране. Неудачи хлебозаготовок и форсирование индустриализации еще более обострили ситуацию. Об этом см.: *Симонов Н. С.* Крепить оборону Страны Советов («Военная тревога» 1927 г. и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. См. также сводки ОГПУ о продовольственном положении в стране летом – осенью 1927 года: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 388, 386, 388.

³¹ В 1925–1927 годах цены на продовольствие в частной торговле хотя и росли, но не давали резких сдвигов. В 1927/28 году произошел скачок на 40%, а в следующем году – уже на 119,8% (*Малафеев А. Н.* История ценообразования в СССР. 1917–1963. М., 1964. С. 401).

³² РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 6. Л. 4–8.

³³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 388. Л. 365, 398.

³⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385. Л. 428–442; Д. 386. Л. 45–84.

³⁵ Там же. Д. 386. Л. 1–44.

тате ажиотажа на хлебном рынке разрыв принял катастрофический характер: цены частника превышали государственные заготовительные цены в несколько раз. Логика форсированной индустриализации делала ликвидацию этого дисбаланса экономическими средствами невозможной: столь резкое повышение государственных закупочных цен привело бы к уменьшению финансирования промышленности³⁶.

Кроме невыгодных цен на зерно, были и другие причины, по которым крестьяне придерживали хлеб: гибель озимых хлебов на Украине и Северном Кавказе, поздняя весна 1928 года и ожидание неурожая в следующем году. На позицию крестьянства влияло и растущее насыщение деревни деньгами. Именно в деревне находились главные держатели «кубышки» – денег, которые не возвращались в сферу обращения, а копились дома в банках, чулках, матрасах, – зажиточное крестьянство и середнячество. Крестьянина не привлекала перспектива получить в обмен на хлеб, постоянно растущий в цене, обесценивающиеся деньги.

Следует указать и еще одну причину. Шумиха, которую подняло Политбюро вокруг хлебозаготовок, рождала множество слухов и работала против планов руководства страны. Логика крестьянских рассуждений была проста: если государство так остро нуждается в хлебе, значит, что-то неладно. Крестьяне судачили о голоде не то в северных районах, не то в Москве, о приближающейся войне: «Весной, наверно, будет война, что-то уж усиленно отбирают, даже в принудительном порядке». Сказать определенно, с кем будет воевать Советская Россия, крестьяне не могли. Одни говорили – с Англией, другие – с Румынией и Польшей. Разъяснения местных коммунистов, которые часто сами не понимали, что творится, усиливали толки. Упорен был слух о том, что советская власть «по науке» определила, что урожая не будет, и хлеб поэтому скупает. Аресты, конфискации, наезды правительственных комиссий укрепляли опасения крестьян и их решимость придерживать хлеб: «Пусть хоть сам ЦИК едет, хлеба не дадим». Крестьяне прятали хлеб³⁷.

Срыв хлебозаготовок и ухудшение продовольственного снабжения промышленных центров угрожали индустриальным планам руководства страны. В конце декабря 1927 года, когда до конца хлебозаготовок оставалось два-три месяца, Политбюро разродилось директивой «О хлебозаготовках»³⁸. Это была программа *экономических мер* в борьбе за хлеб. Вопреки сложившимся в историографии стереотипам, эта директива свидетельствует, что руководство страны пыталось взять хлеб не только силой.

Прежде всего, Политбюро категорически отказалось повысить заготовительные цены, положив конец даже тем единичным случаям, когда по специальному разрешению Наркомторга СССР заготовка зерна шла по рыночным ценам. Директива Политбюро недвусмысленно гласила: *«Считать недопустимым повышение хлебных цен и воспретить постановку этого вопроса в печати, советских и партийных органах».*

Отказавшись повысить закупочные цены, Политбюро решило взять зерно в обмен на промышленные товары: сдаешь хлеб государству – получи квитанцию на покупку товаров. При полупустых сельских лавках эта мера могла стимулировать заготовки. В соответствии с директивой Политбюро 70–80% имевшихся в стране промтоварных фондов направлялись в хлебные районы «за счет оголения городов и нехлебных районов». Снабжение района промтоварами зависело от сдачи хлеба – коэффициенты снабжения районов стали показателями их «хлебной

---

³⁶ Во время заготовок 1925/26 года, оказавшись в таком же кризисном положении, Политбюро пошло на повышение заготовительных цен и снижение темпов роста промышленности. В 1927/28 году оно отказалось это сделать. Изменение поведения руководства объясняется укреплением позиций Сталина и его сторонников в Политбюро и ослаблением оппозиции курсу форсированной индустриализации.

³⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 15–16, 154, 294; РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 269.

³⁸ Принята 24 декабря 1927 года (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 666. Л. 10–12).

важности»³⁹. Решение Политбюро о переброске товаров в деревню было секретным, ведь оно вело к ухудшению рабочего снабжения.

Поступление товаров в деревню оживляло заготовки, но радикальных изменений не произошло. Дефицит корректировал планы Политбюро. Государство не располагало достаточным промтоварным фондом для снабжения сдатчиков хлеба. Так, например, в январе 1928 года, в начале кампании по переброске товаров в деревню, нарком торговли Микоян разрешил местным торговцам и наркомторгам республик продавать дефицитные товары без ограничения, на всю стоимость сданного крестьянами хлеба⁴⁰. Колхозы также могли получить дефицитные товары в неограниченном количестве в обмен на сданные государству излишки. В результате хлебозаготовки стали принимать характер прямого обмена товаров на хлеб. Сдаваемый хлеб почти полностью оплачивался товарами. Такая практика грозила быстрым истощением скудных товарных фондов. Дефицит же требовал бережного обращения с ними. Буквально через неделю, 14 января 1928 года, Политбюро положило этому конец. В телеграмме оно указало, что платить за зерно нужно деньгами, товары же выдавать только на часть денег, полученных крестьянами за сдачу зерна⁴¹.

В той же телеграмме Политбюро требовало продавать промтовары в первую очередь тем, кто сдавал хлеб в данный момент. Таким образом, бедняки и маломощное середнячество, ранее сдавшие хлеб государству, остались с бесполезными квитанциями. Так Политбюро ухудшило положение сельской бедноты, которая за свою поддержку власти рассчитывала на государственный патернализм. «Советская власть боится кулаков» – беднота вынесла свой вердикт. Недовольство маломощных рождало комбедовские настроения в деревне и готовность поддержать репрессии.

Товарный дефицит являлся не единственной причиной провала программы Политбюро по экономическому стимулированию заготовок. Бюрократическая волокита при разработке планов снабжения деревни, многозвенность и неповоротливость кооперативной торговли, плохая работа транспорта не позволили быстро перебросить товары. Перевозка больших партий грузов сопровождалась неразберихой и огромными потерями. Бумаги свидетельствовали о том, что товар давно отправлен, но на места он прибывал с большим опозданием. Об этом, в частности, рассказывают сводки ОГПУ. В январе 1928 года, в разгар кампании по переброске товаров в деревню, они пестрели жалобами на отсутствие товаров для крестьян, сдавших продукцию государству. По словам сводок, «недостаток промтоваров принял в деревне характер самого большого вопроса»⁴².

Переброска товаров в деревню тормозилась также финансовой слабостью кооперации, которая часто не имела денег, чтобы выкупить прибывшие товары. Крестьяне-пайщики, уставшие от зряшных посулов, неохотно давали кооперации авансы. Вот только один из случаев. На собрании пайщиков Вознесенского кооператива объявили, что Мелитопольский райпотребсоюз получил 40 вагонов мануфактуры, но, чтобы их получить, нужно внести аванс – 1000 руб. наличными или зерном. Таких денег у кооператива не было. Крестьяне же отказались авансировать деньги, не видя товаров. Один из выступавших середняков заявил:

---

³⁹ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 65. Л. 202.

⁴⁰ Там же. Л. 203, 204.

⁴¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы / Отв. ред. В. П. Данилов. Т. 1. М., 1999. С. 148.

⁴² Вот лишь одна из выдержек: «Основная масса промтоваров, намеченная по разверстке на январь месяц, до потребителя еще не дошла. Срединная система кооперации, райсоюзы, до сего времени получили незначительное количество промтоваров, но и имеющиеся промтовары недостаточно быстро передаются низовой сети кооперации (сельпо) по причине негибкости кооперативного аппарата и неурегулированности условий расчета райсоюзов и селькооперации» (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 1–13; Д. 567. Л. 49).

Довольно нас дурить. Десять лет дурите. Вы привезите нам мануфактуру, и мы пойдем и посмотрим и тогда будем покупать, а не выдуривайте какие-то авансы. А то, продай хлеб, внеси аванс, а тогда получится, что рубль пшеничка, а 300 рублей бричка. Все равно пшеничку не выдурите⁴³.

Товары оставались лежать на станции или «уплывали» к частнику за взятки. К слову сказать, увеличение паевых взносов кооперации являлось одной из мер, предусмотренных экономической программой Политбюро (директива «О хлебозаготовках»). Эта была попытка финансово укрепить кооперативы за счет пайщиков.

Провал кампании по переброске товаров в деревню имел и другие причины. Политбюро упустило время. Значительная часть хлеба уже ушла к частнику. Представителям власти крестьянин объяснял это просто: «Не знал, что на рынок везти запрещено». Да и, как признался Микоян на июльском пленуме 1928 года, расчеты Политбюро о запасах хлеба в деревне оказались завышенными. Кроме того, основными держателями хлеба к концу заготовительной кампании оставались зажиточное крестьянство и крепкое середнячество, а их не интересовал дешевый ширпотреб, который государство направляло в деревню. Они хотели покупать строительные материалы, сельскохозяйственные машины и потребительские товары высокого качества, но отечественная промышленность их практически не производила. Поэтому поступление товаров слабо изменило позицию зажиточных крестьян, основных держателей зерна.

Еще одной причиной неудачи кампании по экономическому стимулированию заготовок стало обесценивание денег – неизбежное следствие товарного голода и обильных денежных эмиссий. Крестьяне не отказались бы покупать товары за деньги, но не в обмен на хлеб. Истинная ценность денег и хлеба была им хорошо известна: «Есть хлеб – есть и деньги», «Я хлеб продам, а что я буду делать с деньгами, когда на них ничего нельзя купить. Пусть лучше хлеб лежит»⁴⁴. Политбюро в начале 1928 года предприняло попытку облегчить крестьянскую денежную кубышку и тем самым заставить крестьян продавать зерно. Программа экономических мер – директива «О хлебозаготовках» – требовала от Наркомфина взыскать все задолженности с крестьянства. Прошли массовые кампании по сбору недоимок, распространению государственных займов, кампания по самообложению⁴⁵. Конечно, добровольно отдавать деньги никто не хотел. «Если силой – берите корову, если добровольно – идите к черту!» – встречал крестьянин сборщиков⁴⁶. Кампания по изыманию денег из деревни хотя и пополнила госбюджет, но слабо подтолкнула ход хлебозаготовок. Основные держатели денег и хлеба, зажиточные и середнячество, как правило, недоимок не имели. Бедняки и маломощные середняки, имевшие задолженности по выплате налогов и сборов, не имели ни денег, ни хлеба.

Экономические меры в битве за хлеб не давали быстрого результата. Возможно, их эффект сказался бы позже, но Политбюро не хотело ждать. Нетерпение, ощущение проигрыша и упущенных возможностей стали главной причиной провала программы Политбюро по экономическому стимулированию заготовок. С конца декабря 1927 года начались репрессии. Они прокатились по стране двумя волнами. Их первыми жертвами стали частные торговцы, заготовители и скупщики, а затем, с конца января 1928 года, и крестьяне, державшие хлеб.

---

⁴³ Там же. Л. 7.

⁴⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 16.

⁴⁵ Крестьяне должны были «добровольно» обложить себя довольно большим налогом (20–50% сельхозналога), который должен был пойти на социально-культурное благоустройство деревни.

⁴⁶ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 216.

Начало массовых репрессий против частника

Массовые репрессии стали результатом стремления власти быстро получить хлеб и без-успешных попыток выиграть соревнование с частником экономическими средствами. Частная деятельность по заготовке, транспортировке, продаже хлеба, да и других товаров, составляла огромный и сложный механизм, который работал вне контроля Политбюро по законам рынка. Главным козырем частника были высокие заготовительные цены. Он уводил товар из-под носа государственных органов. По словам заместителя председателя ОГПУ Ягоды, в октябре 1927 года на кожевенном рынке частник платил производителям цену, которая превышала государственную заготовительную на 50–100%, на шерстяном рынке – на 200%. Таким же было положение на мясном и зерновом рынке⁴⁷.

Но частник «бил» государство не только ценами. Его быстрота и оборотливость представляли важные преимущества в сравнении с бюрократической волокитой и неразберихой в действиях государственных органов. Руководство страны хотело получить хлеб, а вместе с тем крестьяне часами, порой и сутками простаивали у ссыпных пунктов, чтобы сдать его государству, бюрократы могли гонять крестьян с одного ссыпного пункта на другой, из района в район. Частник же действовал без волокиты: через агентуру скупал зерно по деревням и рынкам, перемалывал в муку (частные заготовители часто были совладельцами мельниц) и отправлял торговцам. Те продавали на рынке по высокой цене, а деньги вновь пускали в оборот на заготовительный рынок. Скупку хлеба вели и зажиточные крестьяне. Кроме того, огромное количество «простых» граждан – неистребимых мешочников – небольшими партиями скупали хлеб, перевозили его сами или отправляли ящиками по почте под видом вещей.

Государство пыталось ограничивать частника экономическими мерами: регулировало перевозки частных грузов, повышало тарифы и налоги, запрещало повышать установленные для заготовок цены (конвенционные). Однако контролировать эту необъятную по масштабам крупную и мелкую деятельность, а также успешно соперничать с ней неповоротливой бюрократической государственной машине было трудно. Конкуренция разворачивалась явно не в пользу государства, хлеб уходил в закрома частника.

Частник активно действовал и на потребительском рынке. Существовали легальные пути получения товара: собственное производство, мелкооптовая закупка товаров у госпромышленности, скупка продукции кустарей. Кроме того, частный торговец находил множество нелегальных путей, чтобы выкачать товар из государственной и кооперативной торговли: за взятки получал товар из-под прилавка, использовал через подставных лиц паевые кооперативные книжки (настоящие и липовые), скупал товары у членов кооперативов. В очередях у магазинов всегда толкались агенты частных торговцев из нанятых безработных. Частник также скупал у крестьян талоны о сдаче хлеба, которые давали право на покупку промтоваров. Да разве можно перечислить все способы добывания товаров!

На рынке частник продавал свой товар втридорога. Полученные барыши вновь пускал в оборот. Правительство пыталось сбить доходы частника и остановить разбазаривание скудного и столь необходимого для обеспечения заготовок товарного фонда. Сокращалось снабжение частных производителей и торговцев сырьем и продукцией промышленности. Было запрещено превышать так называемые лимитные цены, установленные государством для продажи промышленных товаров⁴⁸. Но закон не останавливал в ситуации товарного голода – идеальной для получения барышей. В результате частник отвлекал у государства денежные, сырьевые,

---

⁴⁷ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 1–4.

⁴⁸ Еще в 1926 году была принята статья 107 УК, которая предусматривала тюремное заключение и конфискацию имущества за действия, ведущие к повышению цен. До времени эта статья активно не использовалась, с началом же массовых репрессий против частника она пошла в ход.

товарные ресурсы, наживался на просчетах и слабости государственно-кооперативных органов. Он обеспечивал потребителя, а не нужды индустриализации. Чем успешнее действовал частник, тем сильнее становилось желание расправиться с ним силой. Экономическое бессилие рождало насилие.

Массовые репрессии против частника, проводившиеся в 1927/28 году, не были только детищем Политбюро, а явились результатом санкций сверху и стихийных действий местных властей.

В октябре 1927 года ОГПУ обратилось в Совнарком с предложением «об оказании репрессивного воздействия на частников, срывающих заготовку продуктов и снабжение населения по нормальным ценам». При этом ОГПУ информировало, что на мануфактурном рынке из-за остроты положения «административные мероприятия» уже начали проводиться⁴⁹. В то же самое время, как свидетельствуют сводки ОГПУ, пессимизм и пораженческие настроения все более охватывали местное руководство, которое отчаялось получить хлеб у крестьян в добровольном порядке. Исчерпав просьбы и уговоры, местные власти стихийно переходили к средствам общественного воздействия. По мере ухудшения хода заготовок и усиления требований Политбюро выполнить план во что бы то ни стало у местных руководителей зрела готовность применять репрессии. Стихийно начинались обыски и изъятия хлеба. Появлялись грабительские отряды, которые задерживали крестьян, когда те, недовольные государственными ценами, пытались увезти хлеб с ссыпных пунктов назад домой. В адрес Политбюро, ОГПУ, Совнаркома, Наркомторга от местных руководителей пошли просьбы разрешить «административное воздействие на кулаков, хотя бы в виде арестов наиболее крупных держателей хлеба»⁵⁰. Комбедовский нажим бедняков усиливал эти настроения. Почва для репрессий в районах, таким образом, была подготовлена к моменту, когда ОГПУ с санкции Политбюро приступило к массовым арестам и конфискациям.

Массовые репрессии начались в конце декабря 1927 года арестами частных скупщиков, заготовителей и торговцев вначале на хлебофуражном, а затем мясном, кожезаготовительном и мануфактурном рынке⁵¹. Кампания была подготовлена: местные органы ОГПУ по заданию Экономического управления ОГПУ провели агентурную разработку и сбор сведений, составили списки лиц для ареста. Дела крупных предпринимателей попадали в Особое совещание коллегии ОГПУ, дела мелких – в прокуратуру. Дознание длилось всего несколько дней. Меры наказания были относительно мягкими по «сталинским меркам» 1930-х годов – лишение свободы от месяца до пяти лет, конфискация имущества, запрет вести торговлю в течение пяти лет.

Частник пробовал маневрировать. Пользуясь тем, что репрессии в районах проводились не одновременно, перебрасывал хлеб в места, где не было репрессий в данный момент; оставлял купленный хлеб на хранение у крестьян с обязательством возвращения по первому требованию; направлял капиталы на рынки других культур. Но, несмотря на маневры, частник понес большие потери. Склады продуктов, деньги, золото оказались в руках ОГПУ и Наркомфина. По сообщениям ОГПУ, к концу апреля 1928 года было арестовано 4930 человек (торговцы, заготовители и кулаки, скупавшие хлеб) на хлебном и 2964 человека на кожевенном рынке⁵². В

---

⁴⁹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 1–9.

⁵⁰ Там же. Л. 54.

⁵¹ Наиболее ранние из найденных мной сведений о проведении массовых репрессий пришли из Курской губернии (конец декабря 1927 года). Однако в подавляющем большинстве регионов репрессии проводились в течение января 1928 года. Таким образом, всего несколько недель отделяют переход к репрессиям от принятия Политбюро экономической программы борьбы за хлеб (директива «О хлебозаготовках») (Там же. Л. 20–563).

⁵² Из них осуждено Особым совещанием коллегии ОГПУ 3497 и предано суду 3579 человек (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 466).

донесениях говорилось, что «нервное настроение» среди частников и споры о том, продолжать ли торговать, сменились решением закрывать торговлю. Частник стал уходить с рынка.

Вторая волна массовых репрессий, на этот раз против кулаков и середнячества, державших хлеб, началась во второй половине января 1928 года. Ее жертвами стали и крестьяне, которые после арестов частных заготовителей и торговцев начали скупать хлеб. Санкцией на проведение массовых репрессий стала телеграмма Политбюро от 14 января 1928 года. Она легализовала и далее подтолкнула стихийно начавшиеся на местах репрессии против крестьян:

Доказано, что две трети наших ошибок по хлебозаготовкам надо отнести за счет недочетов руководства. Именно поэтому решили мы нажать зверски на наши парторганизации и послать им жесткие директивы о мерах поднятия хлебозаготовок. Второе, немалую роль сыграло то обстоятельство, что частник и кулак использовали благодущие и медлительность наших организаций, прорвали фронт на хлебном рынке, подняли цены и создали у крестьян выжидательное настроение, что еще больше парализовало хлебозаготовки. Многие из коммунистов думают, что нельзя трогать скупщика и кулака, так как это может отпугнуть от нас середняка. Это самая гнилая мысль из всех гнилых мыслей, имеющих в головах некоторых коммунистов. Дело обстоит как раз наоборот. Чтобы восстановить нашу политику цен и добиться серьезного перелома, надо сейчас же ударить по скупщику и кулаку, надо арестовывать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен⁵³.

В хлебозаготовительные районы поехали уполномоченные ЦК принимать меры для ускорения заготовок. На Украине «работал» Каганович, на Северном Кавказе – Микоян. Урал и Сибирь особо выделялись как последний резерв хлебозаготовок. В оставшиеся до распутицы месяцы здесь следовало провести «отчаянный нажим» на крестьян, державших хлеб. На Урал был послан Молотов, в Сибирь поехал сам Сталин. Насильственные изъятия зерна и аресты крестьян стали широко известны как «урало-сибирский метод».

Социальная ситуация в деревне обострилась. Бедняки поддерживали экспроприации, получая за содействие хлеб от государства и наживаясь на грабеже. Кулак мстил тем, кто участвовал в конфискации. Спецсводки ОГПУ свидетельствуют о взлете антисоветских настроений в деревне, распространении листовок и волнениях. Однако репрессии сделали свое дело – хлеб пришлось сдать.

Какие последствия для потребительского рынка имела «битва за хлеб» 1927/28 года? Хлебный рынок стал первым разрушенным рынком, а первые карточки – хлебными.

В результате репрессий и конфискаций по меньшей мере на треть сократился один из важнейших источников снабжения населения – частная патентованная торговля. Одни боялись торговать, другие уже не имели товара. По словам Микояна: «Отвернули голову частнику. Частник с рынка свертывается и уходит в подполье, в фиктивные кооперативы, а государственные органы не готовы его заменить». Кто-то на июльском пленуме 1928 года вторил ему: «Написано „Чайная купца такого-то“, а остального нет. Ничего больше нет. Лавочек больше нет никаких»⁵⁴.

В результате конфискаций сократились и ресурсы крестьян, что подрывало их самообеспечение и крестьянскую торговлю. Начался процесс превращения миллионов производителей, которые исконно обеспечивали себя сами и кормили горожан, в потребителей государственных запасов. Пошла миграция сельского населения в город за продуктами. В результате складыва-

---

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 669. Л. 20–26.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375. Л. 11, 22, 46. Появилось специальное слово – «пустыни» – для обозначения районов, из которых частный торговец ушел, а государственно-кооперативная торговля отсутствовала (Carr E. H., Davies R. W. Foundations of a Planned Economy. P. 672).

лась ситуация, когда фактическая выпечка хлеба в городах росла и превышала нормальную потребность постоянного городского населения, но хлеба не хватало. Грустным пророчеством прозвучали на июльском пленуме 1928 года слова Микояна:

Внутри крестьянства хлебный оборот громаден по своим размерам. Громаден. Больше, чем наши заготовки. Закрывать местный хлебный оборот значит брать на себя громадные обязательства по снабжению нового распыленного круга потребителей, что совершенно невыполнимо и что никакого смысла не имеет⁵⁵.

Однако именно это и произошло: развал крестьянского самоснабжения и налаженного внутреннего товарооборота начался. Рушились основы, на которых покоилось относительное благополучие нэпа.

В борьбе с частником и рынком руководство страны зашло дальше, чем планировало. Как признался на июльском пленуме Микоян, Политбюро перед началом заготовок 1927/28 года рассчитывало на частную торговлю в снабжении населения, предполагало сохранить местный товарооборот и частника. Он должен был обеспечивать пятую часть снабжения хлебом, до трети снабжения мясом. На деле же, сетовал Микоян, слишком сильно нажали на частника. Например, доля частника в мясной торговле снизилась до 3% вместо ожидаемых 20–30%⁵⁶.

Миллионы людей теряли привычные источники снабжения и становились потребителями государственных фондов. Однако их состояние желало много лучшего. Особенно тяжелым было положение с хлебом. План хлебозаготовок выполнен не был. Государственные заготовители уговорами и силой собрали 11 млн т зерна, что было меньше, чем в прошлом, 1926/27 году. Тогда массовые репрессии не применялись, но заготовили больше – 11,6 млн т⁵⁷. Заготовленного в кампанию 1927/28 года хлеба не хватило даже для снабжения «плановых потребителей», находившихся на обеспечении государства (армия, жители индустриальных городов, беднота, сдатчики технических культур). Так, в 1927/28 году только на снабжение промышленных центров планировалось израсходовать на 120 млн пудов (более 7 млн т) больше, чем в прошлом году. Фактически потребность в хлебе была и того выше, так как численность рабочих росла быстрее, чем планировалось. На апрельском пленуме 1928 года Микоян признался, что у государства был большой перерасход хлеба⁵⁸. Политбюро не только не смогло в тот год экспортировать хлеб – вывоз его сократился на 110 млн пудов, – но, не дотянув до нового урожая, импортировало к 1 июля 1928 года 15 млн пудов пшеницы⁵⁹.

Одной из целей Политбюро в борьбе за хлеб было улучшение городского снабжения, однако именно оно в первую очередь и пострадало в результате начавшегося развала внутреннего рынка. Даже в Москве государственно-кооперативная торговля работала с перебоями, обеспечивая не более трети потребности в продуктах⁶⁰. Сводки ОГПУ свидетельствуют, что

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375. Л. 11.

⁵⁶ Там же. Л. 11, 22.

⁵⁷ Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 273; The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / R. W. Davies, M. Harrison and S. G. Wheatcroft, eds. Cambridge, 1994. P. 290. Оба года считаются хорошими, урожайными, объемы заготовок, несмотря на различие применяемых в них методов, не сильно отличались друг от друга. 11 млн т – может, это и был тот объективный предел возможностей, который мог быть достигнут и без нажима и который никакие репрессии не могли изменить?

⁵⁸ В своем докладе на пленуме Микоян привел данные о расходе хлеба за 8 месяцев 1927/28 года: по военному ведомству они выросли на 3 млн пудов; снабжение промышленных центров – на 60 млн; Средняя Азия и Закавказье, районы производства технических культур, получили 44 млн; семенная ссуда составила 15–20 млн пудов. В итоге по самым приблизительным подсчетам, без полного учета снабжения армии и промышленных центров, зерновые расходы за 8 месяцев составляли не менее 127 млн пудов, то есть около 8 млн т. А ведь хозяйственный год еще не кончился, нужно было и пополнять резервы, и обеспечить экспорт (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 354. Л. 5).

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 186. Л. 81.

⁶⁰ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 173–179.

продовольственные трудности питали «политически нездоровые настроения»⁶¹. Это подтверждали и многочисленные делегации от предприятий, которые приезжали в столицу. Требования рабочих улучшить снабжение становились все более настойчивыми. По признанию Микояна, плохо снабжались и поставщики технических культур, и сельская беднота. «Хвосты» за хлебом, хлебные карточки или их различные суррогаты к лету 1928 года существовали во многих регионах страны⁶².

Карточки распространялись по стране стихийно в результате инициативы «снизу». Местное партийное, советское руководство и торгующие организации под давлением социального недовольства и угрозы срыва производства принимали решение об их введении⁶³. Политбюро пока не участвовало в создании карточной системы. Карточки выдавались только горожанам с целью гарантировать их потребление в условиях наплыва иногородних жителей.

И еще об одном результате заготовительной кампании 1927/28 года. Сократилась не только торговля. В ответ на репрессии крестьяне стали сокращать производство. Это предопределило товарные трудности и неудачи заготовок следующего года. Так, по данным ЦСУ, к осени 1928 года посевная площадь в стране уменьшилась на 6,4%⁶⁴. Крестьяне не видели смысла наращивать производство, ожидая новых репрессий:

Несколько лет прошло тихо, а теперь опять начинают с нас кожу драть, пока совсем не снимут, как это было во время продразверстки. Вероятно, придется и от земли отказываться или сеять хлеб столько, сколько хватает для прожития⁶⁵.

Их худшие опасения оправдались.

---

⁶¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 46, 56, 161.

⁶² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375. Л. 1–22.

⁶³ Механизм появления карточек хорошо виден на примере Акмолинского уезда. По сообщению председателя губернской контрольной комиссии, заготовка хлеба в уезде проводилась методами продразверстки: ходили по дворам, отбирали, почти не оставляя на еду или оставляя запас на один месяц, и одновременно обещали снабжать население хлебом от государства. В результате крестьянские запасы были истощены, внутренний товарооборот разрушен. «Потянулись из деревень, аулов в города за хлебом». Хлеб, который был заготовлен местными государственно-кооперативными органами и предназначался для внутриуездного снабжения, был израсходован за один месяц. От государства ничего не поступило. Началась паника, население вышло на улицы, требуя хлеба. Испуганный председатель исполкома вызвал милицию, которая разогнала демонстрацию и арестовала несколько человек. Ситуация, однако, требовала принятия мер. В городе была создана продовольственная комиссия и введены карточки на хлеб. В апреле 1928 года в городе «на пайке состояло» 17 тыс. человек (РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 118).

⁶⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 345.

⁶⁵ Там же. Л. 227.

ГЛАВА 3. 1928/29: НАСТУПЛЕНИЕ НА РЫНОК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Старые проблемы в новом году

Урок 1927/28 года был ясен. Государство не справлялось со снабжением населения. Новый удар по крестьянскому хозяйству и рынку грозил дальнейшим ухудшением продовольственной ситуации. Для нормализации положения необходимо было остановить развал внутреннего рынка: повысить заготовительные цены, снизить заготовки, прекратить репрессии против частника. Следовало контролировать и рост числа «плановых потребителей». Иными словами, необходимо было соизмерять темпы индустриализации с возможностями страны, перейти к более умеренным и реалистичным планам.

Казалось, что решения июльского пленума 1928 года, который четыре дня обсуждал политику заготовок и общее хозяйственное положение в стране, шли именно в этом направлении. В них говорилось о повышении государственных закупочных цен на зерно, о недопущении репрессий в новой заготовительной кампании, о необходимости оживления местных рынков и частной торговли. Хлебные карточки, по мнению Микояна, который делал доклад на пленуме, должны были быть отменены:

Практика показала, что карточки не экономят хлеб, а наоборот, при наличии карточек каждый считает революционным долгом использовать полную норму. Надо будет решительным образом отказаться от этой системы. Там, где она введена, ее надо устранить⁶⁶.

Комиссия Оргбюро ЦК, созданная специально для подготовки новой заготовительной кампании, в качестве мер для «оздоровления рынка» предложила увеличить производство товаров для крестьян и улучшить снабжение деревни. Комиссия считала целесообразным «завоз сверх импортного плана до 30 млн рублей товаров из-за границы для производственного и личного снабжения деревни» (!)⁶⁷.

Но при этом никто не говорил о снижении темпов индустриализации. Напротив, отправной вариант пятилетнего плана, который был практически невыполним, заменили еще более фантастичным «оптимальным вариантом». В ноябре 1928 года в выступлении на пленуме ЦК Сталин поставил задачу догнать и перегнать в промышленном развитии передовые капиталистические страны. Пленум одобрил увеличение на 25% капиталовложений в промышленность в 1928/29 году. Львиная доля инвестиций шла на развитие тяжелой индустрии. В результате сценарий хлебозаготовок прошлого года повторился⁶⁸.

Из-за распутицы заготовки начались с опозданием. Государственные заготовительные цены были повышены недостаточно: на рожь от 15 до 30%, на пшеницу от 8 до 16%, частник же платил в 1,5–2 раза больше⁶⁹. Нуждавшиеся в деньгах бедняки и маломощное середнячество сдали государству зерно сразу, и с ноября 1928 года ход хлебозаготовок резко упал. Крепкое середнячество и зажиточные, основные держатели товарного хлеба, недовольные условиями заготовок, продавали зерно частнику или придерживали его, выплачивая налоги за счет

---

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375.

⁶⁷ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 12. Л. 76.

⁶⁸ Подробно об организации и проведении хлебозаготовительной кампании 1928/29 года см.: Трагедия советской деревни. Т. 1; *Davies R. W. The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge, MA, 1980. P. 56–108.*

⁶⁹ *Духтияр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. С. 273.*

сдачи государству технических культур и мяса. Крестьянская логика была проста: «Хлеб своего места не пролежит», «Кто же враг своему хозяйству – продавать хлеб по 1 рублю, если же весной возьмет 4–5 рублей»⁷⁰.

Появились и новые трудности. По сравнению с прошлым годом изменилась география заготовок. Из-за неблагоприятных климатических условий и снижения урожаев в «близких» производящих регионах (Украина, Северный Кавказ, Крым) основная масса хлеба оказалась сосредоточена в отдаленных районах с редкой транспортной, складской и мельничной сетью (Сибирь, Казахстан, Урал).

Хлебозаготовки шли на уровне прошлого года, в то время как индустриальный бум нарастал. Численность рабочих, как и других «плановых потребителей», быстро увеличивалась. По сообщению Центросоюза, к осени 1928 года запасы хлеба в рабочих кооперативах важнейших промышленных районов были использованы практически полностью. В ряде мест выпечка ржаного хлеба была приостановлена. Многие рабочие кооперативы оказались перед угрозой закрытия⁷¹. Из-за нехватки зерна государство прекратило продавать муку населению. Домашняя выпечка, а во многих районах это был единственный источник обеспечения хлебом, сократилась.

Современному читателю этот хлебный ажиотаж может показаться странным, но в рационе россиян хлеб всегда занимал особое место, в периоды же продовольственных трудностей он являлся основной, а иногда и единственной пищей. По признанию рабочих, они за завтраком съедали по полкило, а то и по целому килограмму хлеба⁷². Хлебный ажиотаж питали не только трудности хлебозаготовок, но и слухи о голоде и скорой войне. Люди, наученные горьким опытом, заготавливали хлеб впрок – сушили сухари. Крестьяне, кроме того, из-за отсутствия фуража и его дороговизны у частника пытались запастись хлебом на корм скоту.

К зиме 1928/29 года ситуация в городах еще более обострилась. Прошлогодний объем заготовок выполнялся за счет кормовых культур (ячмень, кукуруза, крупяные, бобовые), в то время как по продовольственным (рожь и пшеница) государство явно недобирало по сравнению с прошлым годом. Страна встречала Новый год длинными очередями за хлебом, разгромами хлебных лавок, драками и давкой в очередях. По свидетельству сводок ОГПУ, «хлеб получали с боя». Рабочие бросали работу и уходили в очереди, трудовая дисциплина падала, недовольство росло. Донесения ОГПУ сохранили наиболее резкие высказывания, подслушанные его агентами:

«Жизнь дорожает. Нужда растет. Нет охоты работать, все равно толку от работы мало».

«Хлеб весь отправили за границу, а сами сидим без хлеба, а наши партийцы кричат о достижениях. 8 часов работаем на промысле да 4–5 часов стоим в очереди. Вот и выходит 13-часовой рабочий день».

«Нам, рабочим, затуманивают головы. Советская власть не заботится о рабочих. Раньше при военном коммунизме нас душили, а теперь очереди душат. Погодите, придет военное время».

«Если не было бы частников, то совсем пропали бы».

«Если у нас нет больше муки, то пусть за границей закупают и накормят рабочих как следует. Ведь мы не шоколад просим».

---

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 1910. Л. 19.

⁷¹ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 27.

⁷² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 599. Л. 238.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.